

«ДЕВЯТИКРЫЛАТЫЙ» АНГЕЛ АЛЕКСЕЯ РЕМИЗОВА

I. Письма Н. В. Резниковой к В. Ф. Маркову (1957—1959)

II. Переписка Н. В. Резниковой с В. И. Малышевым (1957—1964)

Публикация Е. Р. Обатниной

Жизнь Натальи Викторовны Резниковой (1903—1992)¹ — поэта, литератора, переводчицы и мемуаристки была тесно связана с А. М. Ремизовым. Еще в юности (их первая встреча состоялась в Берлине в 1922 г.) она стала помогать писателю и его жене, С. П. Ремизовой-Довгелло, в бытовых и творческих делах. Последние 12 лет жизни Ремизова Н. В. Резникова взяла на себя обязанности личного секретаря писателя: внимательный собеседник, талантливая и преданная ученица, она подбирала необходимые книги, читала вслух, занималась его перепиской и многим другим, что поддерживало творческий потенциал неутомимого, но физически таявшего человека, который нуждался в уходе и заботе. Все это требовало немалых сил, особенно учитывая расстояния, которые ей приходилось преодолевать, разрываясь между семьей в пригороде Парижа и квартирой на улице Буало в 16-м квартале, где одиноко проживал овдовевший в 1943 г. писатель.

Долгие годы общения с Ремизовым оставили глубокий след в ее памяти. В письме к внуку писателя Б. Б. Бунич-Ремизову от 19 марта 1969 г. Н. В. Резникова делилась своими мыслями: «Сейчас я пишу мои воспоминания о А. М.-е,² замечательном писателе и человеке, ни на кого не похожем. Глядя на него, я часто думала: откуда он, с какой планеты? Казалось, он был сделан из другого материала. Поражала необыкновенная тонкость всего существа и одаренности в любой отрасли искусства. Его память, эрудиция, сила мысли и проникновение в суть вещей были поразительны. Беседовать с А. М. было наслаждение, самая простая фраза, самые простые слова, о чем бы он ни говорил, — звучали как произведение искусства. Его очарование (шарм) покоряли и больших писателей и музыкантов

¹ См.: Соколова-Пайман А. Памяти Натальи Викторовны Резниковой // Алексей Ремизов: Исследования и материалы. СПб., 1994. С. 273—276.

² Резникова Н. В. Огненная память: Воспоминания о Алексее Ремизове. Berkeley, 1980.

(Прокофьев³ приходил к нему) и самых нехитрых людей. Французы называли его l'Enchanteu*».⁴

Откликаясь на милосердие и доброту своего ангела-хранителя, писатель однажды назвал Наталью Викторовну «Девятикрылатым». Этот «словесный» подарок, по-ремизовски соединивший возвышенную аллюзию («шестикрылый серафим») с детскостью и домашностью словоформы, возник в 1951 г., когда Наталья Викторовна в течение девяти дней и ночей не отходила от постели писателя. Едва оправившись от приступов болезни, Ремизов написал своей калифорнийской корреспондентке А. Ф. Рязановской: «После Крещенского огня отдышиваюсь. В горячке записывал, не глядя и как поднялся, нарисовал, что видел. Понемногу восстанавливается зрение. 9 жгучих ночей — эти 9 ночей ночевала, следя Наталья Викторовна Резникова самоотверженно и терпеливо (она семейная: двое детей). Резниковы, Андреевы и Сосинские, их затея „Оплешник“. А (так! — Е. О.) знаю всех детей. Их любила Серафима Павловна».⁵

Издательство «Оплешник» было организовано в 1950 г. по инициативе матери Н. В. Резниковой — О. Е. Колбасиной-Черновой. Однако ключевой фигурой в этом предприятии стал муж Натальи Викторовны — Даниил Резников, заведовавший в то время типографией.⁶ С этого времени Наталья Викторовна принимала активное участие в подготовке ремизовских рукописей к печати. Глубокое понимание языковой природы творчества Ремизова позволило ей сделать аутентичные переводы отдельных произведений писателя на французский язык. Хотя сам автор и считал переводы своих трудов практически неосуществимыми, о работе Н. В. Резниковой, которая в 1956 г. перевела на французский его книгу «Подстриженными глазами», он отозвался очень высоко: «...только теперь мне повезло и мое русское зазвучало на такой чужой русскому латыни. Н. Резникова расплела и выразила мой ритм или вернее интонацию».⁷ Понимая, что его помощница обладала поистине фантастическим даром успевать сделать множество дел, спектр которых вмещал в себя и самые что ни на есть бытовые и творческие занятия, Ремизов в 1956 г. повысил ее в ранге, назвав в дарственной

* Волшебник (фр.).

³ Сергей Сергеевич Прокофьев (1891—1953) — композитор, пианист и дирижер; с 1923 по 1933 г. жил в Париже. О совместной работе Ремизова и Прокофьева над балетом «Ясня» в 1916—1917 гг. см.: Анненков Ю. Дневник моих встреч. Цикл. Трагедий. М., 1991. Т. 1. С. 215—221; см. также: Ремизов А. Дневник 1917—1921 / Подгот. текста А. М. Грачевой, Е. Д. Резникова; Вступ. заметка и коммент. А. М. Грачевой // Минувшее: Исторический альманах. М.; СПб., 1994. 16. С. 426.

⁴ РО ИРЛИ, ф. 256, оп. 4, ед. хр. 25, л. 1 об.

⁵ Letters from Alexei Remizov / Preface and notes by S. Aronin // Russian Literature Triquarterly. 1986. N 19. P. 294. Письмо от 10 февр. 1951 г.

⁶ Даниил Георгиевич Резников (1904—1970) — поэт.

⁷ Ремизов А. А. Р. (Дом, отмеченный войной) // Europa orientalis. Pietroburgo; Salerno, 2003. Vol. 4. Алексей Ремизов: Исследования и материалы. С. 310 (публ. А. М. Грачевой). Книга с предисловием М. Арляна в созданном при журнале «Нувель Ревю Франсэз» («La Nouvelle Revue Française», «N. R. F.») издательстве «Галлимар» вышла уже после смерти писателя. См.: Remizov A. Les Yeux Tondus / Trad. du russe par Nathalie Reznikoff; préface de Marcel Arland. Paris, 1958. Collection «Du monde entier». О переговорах Ремизова и Н. В. Резниковой с главными редакторами журнала «N. R. F.» М. Арляном и Ж. Поляном см.: Резникова Н. В. Огненная память. С. 118—123.

надписи на книге «По карнизам» (Белград, 1929) — «стокрылым».⁸ Примечательно для ремизовского стиля употребление мужского рода, указывающее на умолчание сакрального слова этого неполного определения.

Многие из последних писем Ремизова были написаны рукой Н. В. Резниковой. Одним из корреспондентов писателя был известный литературовед, исследователь русского футуризма, профессор Калифорнийского университета Владимир Федорович Марков (р. 1920 г.).⁹ Переписка В. Ф. Маркова с Ремизовым¹⁰ возникла в 1955 г., когда до молодого филолога, обосновавшегося в Америке, дошли слухи о бедственном материальном положении писателя в Париже, и он отправил ему посылку с продуктами и вещами. Впоследствии, публикуя полученные от Ремизова письма, Марков предельно скромно упомянул о своей помощи, которая между тем продолжалась до смерти писателя. В 1957-м, в год 80-летия писателя, он обратился к Ремизову с открытым письмом, подписанным «Ваш читатель Владимир Марков»: «Дорогой Алексей Михайлович. В коротком письме нельзя дать удовлетворительной оценки писателю Вашего своеобразия, Ваших литературных размеров. Для этого нужно писать статью (какими критика Вас за последнее время не баловала). Те, кто умеет Вас читать (а искусство это небольшое — надо читать медленно и губами), знают, какое редкое наслаждение приносят Ваши книги. Но не об этом нужно говорить в день Вашего восьмидесятилетия. Говорить следует о том „долгу“, в каком перед Вами находится культурная эмиграция, неловко становится при мысли, что писателя, украсившего своим именем русскую литературу, не ценят как следовало бы. Его замечательное послевоенное творчество не получило должного отклика: раздаватели патентов на бессмертие не увидели необыкновенной красоты „Мелюзины“, прошли мимо „Мышкиной дудочки“, этого учебника гуманизма, и едва заметили „Огонь вещей“, последнее слово о Гоголе. Еще более неловко, что больше дюжины Ваших книг до сих пор ждут издателей. В день Вашего юбилея уместно напомнить им об их преступлении. А что Ваши строки — бесконечный источник удовольствия, жизнь же Ваша — пример для молодых писателей, об этом можно и не писать. Это ясно».¹¹

Между тем и у некоторых филологов в Советском Союзе, который на долгие годы отстранился от литературы русской эмиграции, появилась возможность восстановить утраченные связи с писателем. В мае 1957 г. завязалась переписка Ремизова с Владимиром Ивановичем Малышевым (1910—1976), выдающимся археографом, ведущим специалистом Пушкинского Дома по древнерусской литературе.¹² Их эпистолярный диалог

⁸ См.: Волшебный мир Алексея Ремизова: Каталог выставки. СПб., 1992. С. 26.

⁹ О В. Ф. Маркове подробнее см.: Культура русского модернизма: Статьи, эссе и публикации. В приношение Владимиру Федоровичу Маркову / Под ред. Р. Вроона и Д. Малмстада. М., 1993. С. 7—8; а также вступительную заметку Ю. В. Левина к публикации воспоминаний В. Ф. Маркова «Et ergo in Arcadia...» (Звезда. 1995. № 2. С. 130—132).

¹⁰ См.: Письма А. М. Ремизова к В. Ф. Маркову / Публ. В. Ф. Маркова // Wiener Slavistischer Almanach. 1982. Bd 10. S. 429—449.

¹¹ Опыты. 1957. Кн. 8. С. 130.

¹² См.: Ремизов А. М. Письма к В. И. Малышеву / Публ. С. С. Гречишкина и А. М. Панченко // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год. Л., 1979. С. 203—215. Подробнее о В. И. Малышеве см.: *Бударагин В. П.* Древлехранилище им. Владимира Ивановича

был освящен именем протопopa Аввакума. В. И. Малышев, собравший полную библиографию трудов о протопope Аввакуме, знал и о ремизовском списке жития «огненного Протопopa». ¹³ Не случайно свое знакомство с писателем он предварил приглашением на открытое заседание Сектора древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом), посвященное 275-летию со дня смерти протопopa Аввакума, назначенное на 26 апреля 1957 г.

В переписке с обоими адресатами Ремизова Н. В. Резникова была верным помощником и дублером писателя. Вскоре тексты под диктовку Ремизова сменились ее собственными письмами, проникнутыми глубокой преданностью и любовью к учителю, последние дни которого практически полностью были вверены ее исключительным заботам. С июля 1957 г. вместе с другими друзьями писателя Н. В. Резникова вела дневник последних месяцев его жизни. ¹⁴ Все в этой тетради не только окрашено вниманием к физическому состоянию угасающего человека, но и вызвано желанием поддержать его не смиряющийся со смертью творческий дух. Построение дневника указывает на самоценность для хроникеров и здоровья, и творчества в равной степени. На левой странице тетради расположены скрупулезные записи дежурных о температуре и состоянии здоровья Ремизова, список дежурных, верных друзей, взявших на себя все обязанности по уходу. На правой странице с середины августа по первую декаду сентября появляются записи самого Ремизова: наезжающие друг на друга буквы отражают стоическую борьбу слов за жизнь. С 11 сентября 1957 г. помощники пишут за Ремизовым под диктовку: он рассказывал свои сны, прокладывающие ему дорогу в потустороннее. 3 ноября за ним записали: «Около умирающего — тишина и молчание (само собой, не возражаешь и не споришь), внимание и сообразительность, решимость и уверенность. Говорю по своему трехлетнему опыту». ¹⁵ Последняя страница дневника заполнена рукой Н. В. Резниковой:

26/ XI

Утро 36.6

Утенок¹⁶

Ек<атерина>Вл<адимировна>¹⁷

Наташа¹⁸

Л. Н. Замятина¹⁹

Чижов²⁰

Полдень 37

ча Малышева // Пушкинский Дом: Материалы к истории. 1905—2005. СПб., 2005. С. 350—352; а также словарную статью: Там же. С. 477—478.

¹³ Житие протопopa Аввакума, им самим написанное / Публ. А. Ремизова // Версты. 1926. № 1. Разд. II. С. 1—73.

¹⁴ Тетрадь XXXI. 1957. 14 VII. Папка 49 (Собрание Резниковых. Париж).

¹⁵ Ремизов ухаживал за умирающей женой в 1940—1943 гг.

¹⁶ Шутливое прозвище *Ольги Владимировны фон Дервиз* (von Derviz), которая с 1954 г. поселилась в квартире Ремизова, с тем чтобы вести его хозяйство.

¹⁷ *Екатерина Владимировна Фоминова* (1889—1987), известная в окружении Ремизова под прозвищем «Солдат».

¹⁸ Н. В. Резникова.

¹⁹ *Людмила Николаевна Замятина* (урожд. Усова; 1883—1965) — вдова писателя Е. И. Замятина.

²⁰ *Глеб Владимирович Чижов* (псевд. Холмский; 1892—1986) — член Союза русских шоферов в Париже, типограф, библиофил-любитель, активный сотрудник издательства «Опленш-

Мамченко²¹
Нерпа²²
М. Одолеева²³
Д. Г. Резников

5 часов веч<ера> ТА 11—5Р60 <так!>

Всю ночь не спал

Утром было немного мочи

3 раза

А. М. скончался в 8 час. вечера

С утра был слаб и довольно

спокоен — почти не страдал — не спал,

но дремал не засыпая

— даже под чтение (Соборяне²⁵).

Наташа

Сестра²⁴

Ек<атерина>Вл<адимировна>

Утенок

Д. Г. Резников

Лурье А. С.²⁶

Лурье Thylette²⁷

Жаловался на срезанный ноготь — уверял, что болит. Мазали йодом и мазью. Отхаркивался мало — забывался немного, но дышал непривычно, с открытым ртом. Давали кислород — был к нему равнодушен (как будто не чувствовал). Руки были слабее обычно<го>.

Около восьми, был Утенок рядом, продолжал чтение Соборян — на этот раз А. М. не спал под чтение, но и не реагировал — ни на кислород. Вдруг вздохнул как перед откашливанием и безболезненно, спокойно умер в 8 часов.

Первую ночь проводили

Наташа и Утенок

Фейерменхен и Эспри²⁸

А. М. убрал и лежит под часами кукушки, мерно отбивающей время.²⁹

ник». В 1946 г. издал книгу Ремизова «О происхождении моей книги о Табаке», а в 1983 г. осуществил в Париже ее переиздание вместе с самой «Гоносовой повестью» «Что есть табак», а также с воспоминаниями о Ремизове. Републикацию «О происхождении моей книги о Табаке» см.: *Ремизов А. М. Весеннее порошье / Сост., предисл., коммент. Е. Р. Обатниной. М., 2000. С. 399—428.*

²¹ Виктор Андреевич Мамченко (1901—1982) — поэт, журналист.

²² Прозвище Елены Александровны Холмогоровой-Кост (Costes), которая в конце 1940-х—1950-е гг. была преподавателем русского языка в парижской Школе восточных языков, переводила произведения Ремизова на французский язык, принимала деятельное участие в создании издательства «Оплешник», а в последние годы жизни писателя выполняла необходимые для него машинописные работы.

²³ Неустановленное лицо.

²⁴ Очевидно, медицинская сестра.

²⁵ Роман Н. С. Лескова.

²⁶ Александр Семенович Лурье — сын публициста и журналиста С. В. Лурье, знакомого с Ремизовым еще по Петербургу.

²⁷ Тилетт Лурье — жена А. С. Лурье.

²⁸ Игрушки Ремизова, неизменные герои его произведений. Фейерменхен — тряпичная кукла в розовом полосатом платье и черном колпачке, которая и по сей день хранится в собрании Резниковых. См.: *Резникова Н. В. Огненная память. С. 64.* Фотографию Ремизова с Фейерменхеном (1921—1923) см.: *Ремизов А. Учитель музыки. Каторжная идиллия / Вступ. статья и коммент. А. д'Амелия. Paris, 1983;* а также: Алексей Ремизов: Исследования и материалы. СПб., 1994 (вклейка). Эспри (от фр. Esprit) — дух, материализовавшийся в сухой веточке, напоминающей человечка с руками и ногами; упоминается в книге Ремизова «По карнизам».

²⁹ Описание последнего дня жизни Ремизова см. также: *Резникова Н. В. Огненная память. С. 144.*

Последнее письмо Н. В. Резниковой к В. И. Малышеву написано 15 июня 1964 г., накануне ее приезда в Ленинград. Это путешествие должно было окончательно решить судьбу парижского архива Ремизова. Наталья Викторовна стремилась выполнить волю своего учителя и друга — передать в Пушкинский Дом книги и рукописи, оставшиеся на ее хранении по завещанию писателя.³⁰ Очевидно, реалии советской бюрократической действительности, с которыми ей предстояло столкнуться в Москве и Ленинграде, оказались сильнее этих самых искренних побуждений.

Сердечное тепло и глубокое понимание творческого дарования Ремизова Наталья Викторовна Резникова перенесла в книгу воспоминаний «Огненная память» (1980). И когда в 1992 г. завершился ее земной путь, Н. В. Резникова была похоронена на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа рядом с А. М. Ремизовым.

Ниже публикуются три письма Н. В. Резниковой к В. Ф. Маркову, по автографам, переданным Ж. Шероном (США) в Рукописный отдел Пушкинского Дома (РО ИРЛИ, ф. 256, оп. 2, ед. хр. 393); а также тринадцать писем Н. В. Резниковой к В. И. Малышеву, по автографам, отложившимся в личном фонде ученого (РО ИРЛИ, ф. 494, оп. 2, ед. хр. 1535). Четыре ответных письма В. И. Малышева публикуются по авторизованным машинописным копиям, также содержащимся в его фонде (РО ИРЛИ, ф. 494, оп. 2, ед. хр. 72). Все тексты приведены в соответствие с правилами современной орфографии и пунктуации, с сохранением авторского написания отдельных слов, речевых оборотов и синтаксических конструкций. Выражаю сердечную благодарность Егору Даниловичу и Андрею Даниловичу Резниковым за возможность публикации фрагмента дневника Н. В. Резниковой, а также Жервез Тассис за помощь по атрибуции некоторых французских источников.

І. ПИСЬМА Н. В. РЕЗНИКОВОЙ К В. Ф. МАРКОВУ

1

Natalie Reznikoff
11, rue Camille Desmoulins
Cachan Seine
Наталья Викторовна Резникова

21—IX—<19>57

Глубокоуважаемый г-н Марков (сейчас не могу вспомнить Ваше имя-отчество), уже давно читаю А<лексею> М<ихайлови>чу Ваши письма и под диктовку Вам отвечаю. Знаю Ваше хорошее отношение к А. М.

Сейчас пишу Вам у его постели. Сейчас он успокоился и тихо заснул. В квартире тихо — кукушка мерно отбивает свои (вне времени) минуты и часы.¹

В ночь с 4-го на 5-е ноября у Ал. Мих. был сердечный припадок. С тех пор он борется, и мы боремся за его жизнь. После припадка он дня три спал. Потом как будто проснулся к жизни, но давление стало так стреми-

³⁰ См. Письма Н. В. Резниковой к В. Ф. Маркову (п. 3, примеч. 22).

тельно падать, что доктор² потерял уже надежду. Потом что-то вдруг пробудило жизненную силу А. М. И началось медленное улучшение. А. М. еще не вне опасности, все же ему чуточку лучше. Доктор бывает ежедневно — по ночам — ученая сестра (прибегают к уколам камфары). 2 женщины, живущие тут — ухаживают за ним.³ И я — его постоянный, не покидающий его «секретарь» и давнишний, давнишний друг — уже 30-ть лет! Моя семья — знает его с давних пор — я: второе поколение.⁴

Серафима Павловна очень нас (моих сестер и меня) любила,⁵ и после ее смерти,⁶ по возвращении в конце войны из провинции в Париж, сначала мы все, теперь я одна (мои сестры далеко⁷) — не покидаем А. М.

В прошлые годы — он был тяжело болен — я выхаживала его сама (сейчас нас целая «équipe»*).

Я же переводчица Ремизова на фр<анцузский> язык. (В скором времени должна выйти его книга — «Les Yeux Tondus» в моем переводе у Галлимара⁸.)

С конца (да, собственно говоря, с начала) лета А. М. плохо себя чувствовал — слабость, «задох»,⁹ усталость, беспокойство, тяжелое нерв<ное> состояние. Чем хуже себя чувствовал — тем яростнее работал. Последнее время делалось хуже. Работы ради — другое дело! Но для себя — А. М. обычно ничего не просит.

А тут — «не покидайте меня, Наташа!»». Я живу довольно далеко от rue Voileau и у меня семья — я отложила все свои занятия, стараясь как можно чаще бывать у него — ежедневно.

После припадка проводила дни и ночи в «Кукушкиной». t° у А. М. сейчас нормальная, давление поднялось, и состояние сердца не слишком плохое. Но пугает его слабость, истощение: почти не ест, но много (слава Богу!) пьет. Сейчас получила записочку от Вас<илия> Петр<овича>¹⁰ — и он слег! (у него слабые легкие). Обычно, по четвергам — мы сходимся втроем в Кукушкиной: А. М., Вас<илий> Петр<ович> и я — «Восточные четверги» (Вас<илий> Петр<ович> — «Эмир обезьяньей палаты»¹¹). Я сейчас пишу В. П. ответную записку — передам Ваш привет. Пишите А. М. — но только привет, про себя, про семью — и без вопросов и без литературы. (А. М. педантично хочет на все отвечать, и это его утомляет.)

Рисунки А. М.¹² до войны с трудом, за гроши продавали богатым людям. После войны отношение изменилось — они стали редки (и франц<узы> их высоко оценили, один имеется у Пикассо), обладающие ими их берегут. Во время войны немцы многое уничтожили (все, что находилось у евреев). Ученые сообщили, что в Ленинг<раде> в Пушк<инском> Доме — все вещи А. М. сохранены.¹³

Сердечный привет.

Н. Р.

¹ Подразумеваются часы с кукушкой, неизменный атрибут квартиры Ремизова, впервые появившийся в доме писателя в начале 1910-х гг. Ср. описание парижской квартиры на ул. Буало, сделанное писателем в 1955 г.: «„Кукушкиной“ комната зовется по часам с кукушкой. Ку-

* команда, бригада (фр.).

кушка — дыхание дома, ее голос внятн и в исторической кухне и в каштановой рукописной и в караульной и по всему цветному коридору» (Ремизов А. А. Р. (Дом, отмеченный войной). С. 304).

² Подразумевается Владимир Михайлович Зёрнов (?—1990). См. о нем: На переломе: Три поколения одной московской семьи: Семейная хроника Зерновых. 1812—1921 / Под ред. Н. М. Зернова. М.; Париж, 2001. С. 8.

³ Речь идет об О. фон Дервиз, а также о Екатерине Даниловне Унбегаун, мачехе известного слависта Б. Г. Унбегауна, которая получила от Ремизова шуточное прозвище «Верховая», поскольку была его соседкой с шестого этажа по дому на Буало, 7.

⁴ Мать Н. В. Резниковой, Ольга Елисеевна Колбасина (во втором замужестве Чернова; 1886—1964), познакомилась с Ремизовым осенью 1905 г. Ее «Воспоминания об Алексее Ремизове» см.: Алексей Ремизов: Исследования и материалы. Pirtoburgo; Salerno, 2003. С. 315—325 (публ. А. Грачевой).

⁵ Ольга Викторовна Чернова (в замуж. Андреева; 1903—1979) — журналистка, жена В. А. Андреева, и Ариадна Викторовна Чернова (в замуж. Сосинская; 1908—1974) — переводчица, жена В. Б. Сосинского. Три сестры познакомились с Ремизовыми в Берлине в 1922 г. Описывая своей близкой знакомой, поэтессе З. Н. Гиппиус, трудности эмигрантской жизни в Германии в письме от 3 янв. 1922 г., С. П. Ремизова упоминала и «дочерей Черновых»: «... пишу Вам в ужасном состоянии: нас выгнали с квартиры <...> Мне взялись помогать барышни — не настоящие, усыновленные дочери Чернова. Насколько он мне не симпатичен, настолько они хороши, да они с ним давно не живут, он ведь на ком-то опять женился, не с их матерью живет. Как вся молодежь, они вообще против социализма, социалистов, против большевиков также, и против <социалистов>-р<еволюционе>ров, и м<еньшевику>в. Это очень характерно для молодежи. Своими глазами видят все, им по 19 лет, они — близнецы (Ольга и Наталья Черновы. — Е. О.), их сестру маленькую 10 лет (теперь ей 13) б<ольшевику> и арестовали из-за отца и она месяц в тюрьме сидела, подумайте, 10 лет, и ее Ленин сам допрашивал, говорил: „Адичка, скажи, где твой папочка?“, наконец, ее взяла на поруки первая жена Горького, не М<ария> Ф<едоровна>. Так вот эти барышни мне помогают искать квартиру, а пока мы живем ужасно, наша ведьма-хозяйка нас выживает» (Amherst Center for Russian Culture. Архив А. Ремизова и С. Довгелло-Ремизовой).

⁶ С. П. Ремизова-Довгелло скончалась 13 мая 1943 г.

⁷ После войны семья О. В. Черновой и А. В. Черновой переехали в Америку.

⁸ Имеется в виду издание мемуаров Ремизова «Подстриженным глазами. Книга узлов и закут памяти» Н. В. Резниковой в издательстве Г. Галлимара, выпускавшем один из престижных литературных журналов Франции «La Nouvelle Revue Française» (N. R. F.) под ред. Ж. Поляна и М. Арляна. Публикация ремизовской книги сопровождалась вступительной статьей М. Арляна: *Remizov A. Les Yeux Tondus / Trad. du russe par Nathalie Reznikoff; préface de Marcel Arland. Paris, 1958 (Collection «Du monde entier»).*

⁹ Ремизовское слово, которым определялось состояние удущья.

¹⁰ Василий Петрович Никитин (1885—1960) — ученый-ориенталист, профессор Школы восточных языков в Париже; сосед Ремизова по дому на ул. Буало, 7. С 1943 г. В. П. Никитин постоянно вел дневник под названием «Remizoviapa», а после смерти писателя написал воспоминания «Кукушкина (Памяти А. М. Ремизова)». Публикация мемуаров см.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1990 год. СПб., 1993. С. 268—306 (публ. Н. Ю. Грякаловой). Подробнее о В. П. Никитине см. также: Грякалова Н. Очарованный словом (О А. М. Ремизове и его книге «Павлиньим пером») // А. Ремизов. Павлиньим пером / Сост., вступ. статья, примеч. Н. Грякаловой. СПб., 1994. С. 5—16).

¹¹ Речь идет о шуточном звании В. П. Никитина, которого он был удостоен в ремизовском игровом обществе Обезвельволпал. Подробнее см.: *Обатница Е. Царь Асыка и его подданные: Обезьянья Великая и Вольная Палата в лицах и документах.* СПб., 2001. Известны и другие варианты «обезьяньего» звания Никитина: «Эмир обезьяний В. П. Никитин-Урмийский»; «бывший урмийский консул, почетный легион и все персидские наречия от древнего пехлеви до современной арабской прослойки, эмир Обезвельволпала» (см.: Там же. С. 353).

¹² О графическом искусстве Ремизова см.: *Pyman A. Aleksej Remizov on drawings by writers, with particular preference to the interrelationship between drawings and calligraphy in his own work // Leonardo. 1980. Vol. 13; Saretzki N. Russische Dichter als Maler // Gebrauchsgraphik.*

1928. Juni; *Маркадэ И. Ремизовские письма* // Aleksej Remizov. Approaches to a Protean Writer / Ed. by G. N. Slobin // UCLA Slavic Studies. 1987. 16. P. 121—134.

¹³ Очевидно, подразумеваются слова из письма В. И. Малышева к Ремизову: «Несколько Ваших писем к разным лицам и все Ваши рукописи, переданные Вами в свое время в архив нашего Института, у нас бережно сохраняются <...> Мы не только сберегаем Ваши рукописи, но и пополняем Ваш фонд новыми материалами...» (цит. по: *А. М. Ремизов. Письма к В. И. Малышеву* / Публ. С. С. Гречишкина и А. М. Панченко // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год. Л., 1979. С. 205).

2

N. Reznikoff
11, rue Camille Desmoulins
Monterey California
U. S. A.

29—V—<19>59

Дорогой Владимир Федорович,

давно хочу Вам написать — мне хотелось бы хоть издали, хоть понемногу сохранить связь с теми, кто интересовался, знал (хотя бы по переписке) и любил А. М. Ремизова. Хотелось бы знать, как Вы живете, что делаете, чего достигли. Как поживают Ваши близкие (жена и теща)?

Мы с Вами обменялись письмами после смерти А. М.

Через 4 или 5 мес<яцев> после его смерти вышла по-франц<узски> в изд<ательстве> Gallimard его книга «Les Yeux Tondus» («Подстриженными глазами») в моем переводе.

Были очень хорошие, углубленные, интересные статьи во франц<узской>, бельгийской и швейцарской печати.¹ И в издательстве получили неск<олько> писем от читателей (чего, по словам редактора, во Франции вообще не бывает).

А. М. очень ждал появления этой книги (книга в издательстве Галлимара — это как бы увенчание — кроме книг «коммерческих» они издают обычно только книги очень высокого качества).

Было неск<олько> различных передач по радио и телевидению, посвященных этой книге и ее автору...

Но А. М. уже не было.

Вещи А. М. здесь и в будущем, я надеюсь, будут изданы — к сожалению, у меня сейчас очень мало времени на художественную работу. ¹/₂ дня работы в бюро (тех<нические> переводы) и дом — семья.

Кланяюсь Вам сердечно

Н. Резникова

В. П. Никитина я видела на днях. Зима прошла для него довольно тяжело (болел). Сейчас как будто бы лучше, но не очень.

¹ Речь, в частности, идет о статье Claude Mauriac «Un enfant aux „Yeux Tondus“», напечатанной в газете «Le Figaro» 2 июля 1958 г.

N. Reznikoff
11, rue C. Desmoulins
Cachan Seine

27—VI—<19>59

Дорогой Владимир Федорович,

я очень рада Вашему отклику на мое письмо — желание войти в контакт с разбросанным по миру орденом.¹ Нас конечно мало — тем более надо держаться крепко. При жизни А. М. люди, приходившие к нему, попадали под его необычайное очарование — теперь остались трогательные воспоминания, все говорят о нем как о замечательном писателе, но вместе с тем я не встречаю настоящего интереса к тому, что он писал, делал и оставил в мире, желания осознать и углубиться в его произведения... Сказано раз навсегда, что Ремизов трудный, малопонятный писатель.² Последние годы его жизни и после смерти было много статей зарубежной критики, но мне всегда казалось, что писали вроде как по обязанности и о том, и с оговоркой только, что знали, безо всякого желания углубиться, что-то еще прочесть и узнать лучше этого сложного и оригинального писателя. Говорят о его завитушках,³ словечках, своеобразном русском языке, знании старины и т. д. и за этими «деревьями» не замечают леса: поэтической сущности созданного им мира. Французы, кот<орые> могут судить о Ремизове без красоты, силы и ритма его языка, говорят о нем, как о «poète Remizov»,* на основании его образов и того, что можно перевести из его «красок» и «звучков». «On pourrait bâter tout une métaphysique sur une de ces contes de la vie de tous les jours». «Peut-être le plus grand écrivain russe de demi-siècle et certainement l'artiste de le plus rare».⁴ Б. К. Зайцев в своем некрологе отметил, что Ремизов уже никак не картезианец...⁵ Немногие, наверное, знают, что А. М. и знал и любил математику⁶ и что это не прошло мимо его творчества. Как раз мне как переводчице приходилось разговаривать и анализировать произведения А. М. с этими самыми картезианцами, и мы сходились именно на этой математически точно построенной фразе, формулирующей мысль тоже всегда точную и очерченную. Незадолго до смерти А. М. советские ученые исследователи др<ревней> рус<ской> литературы вступили с ним в переписку, поводом и точкой соприкосновения был протопоп Аввакум.⁷ Оказалось, что А. М. очень ценят там (это было большим утешением в последние месяцы-недели-дни жизни А. М.), но ценят, конечно, гл<вным> обр<зом> как знатока древней России и литературы, как писатель Ремизов им также мало доступен. Кто-то из моих знакомых сравнил степень художеств<енного> восприятия у русских «там» и «здесь» и горько заметил, что уровень этих несообщающихся сосудов одинаковый.

Меня очень радует Ваше желание заняться А. М. как писателем,⁸ но я думаю, что Ваш подход будет неправильным, если для этого Вам надо начать с изучения древнерусской литературы. Мне кажется, что эта сторона творчества А. М. не самая существенная. В свое время филологам и исследователям языка будет чем заняться в этом направлении, конечно. Но Ремизов часто сам подчеркивает, что пишет «своим словом и на свой глаз».⁹

* Поэт Ремизов (фр.).

Несомненно, что нет у нас писателя, для которого «слово» имело бы такое значение, как для Ремизова. Его форма, средство выражения неотделимо связано с самой сущностью творчества. Он много читал из древнерусского, но брал слова, как художник берет краски (нужные для его ритма и его музыки), тут выбор и инстинкт художника — магия поэтического творчества. Музыка его слова была «русского лада»,¹⁰ и для проверки этого «лада» А. М. вслушивался в древнерусское, но не подражал. Через это русское слово и русскую музыку шли свои ремизовские пути в глубь жизни, в века, в космическое пространство. Вечные вопросы бытия и места человека. И судьба человека на земле и в других измерениях.

В молодости и в течение всей жизни А. М. читал греческие трагедии и хорошо знал их. После войны он читал Эсхила. Он мог тогда сам читать и много рисовал из прочитанного. Потом постепенно стал терять зрение (до конца он все-таки что-то различал: полной слепоты не было) и постепенно слабел. Но дух его, память, острота восприятия, сила ума и упорство, воля к творчеству не ослабели до последнего вздоха. Не ослабел и протест против судьбы, так скручивающей человека. На земле «воли Божьей» А. М. не признавал — земля под знаком Голгофы — но в силу чего эта обреченность человека? Из Достоевского для А. М. сильнее всего звучал этот протест.¹¹ Перед смертью в последний период болезни голос этого неприятия не умолкал, но уживался с каким-то «гордым терпением», большим мужеством (несмотря на всегдашний свой страх и нетерпеливость — это трудно объяснить — А. М. одновременно был и без страха и полон терпения) и внимательным бережным чувством к человеку.

Я недавно прочла о конце Лескова.¹² Похоже на то, как умер А. М., который уснул под чтение «Соборян» и сон перешел в смерть.¹³ Вернее, полусон в сон смерти. <...>¹⁴ — и Лесков, и А. М. оба боялись умереть, задохнувшись. У Лескова А. М. любил кроме языка «искание правды». В конце жизни, как и в самом начале (по-новому, конечно), подошел к шестидесятиникам как к «жаждущим правды», к тем, кто заступался за человека и его право «жить по-человечески» на земле. Хотел писать о них так же, как о революционерах русских («единственное явление в мире»). Идеалы русской интеллигенции всегда ценил очень высоко. Я помню, как А. М. огорчился, прочитав Ваши небрежные слова (кажется) о Чернышевском.¹⁵ Хорошо относясь к Вам, что-то хотел объяснить Вам в письме. А. М. не любил русскую манеру не принимать ничего, что нам не созвучно, — всегда хотеть что-то опровергать, исключить, вычеркнуть, повергнуть в прах (хоть того же Белинского, через 100 лет).¹⁶ На Западе берегут свою культуру, ценят и противоположное (здесь самые различные в лит<ерату>ре течения уживаются и воюют). Культуру и культурность Запада очень ценил и всегда сокрушался о нашей малой культуре. На розановские слова: «пришли Гиксосы и уничтожили...»¹⁷ вскидывался: «Нечего было уничтожать... нечего было...». Не было вопроса, над которым бы А. М. не задумывался и задумывался до конца. И доходил во всем до конца и не боялся ничего — никаких бездн, провалов, ни головокружительных высот... Но его принято считать сказочником,¹⁸ занимающимся выискиванием мудреных словечек, сочинителем завитушек, стилистом, на остальное просто не обращают внимания?

О Алексее Михайловиче можно было бы говорить очень много. Как жаль, что Вы его не видели. Обаяние его было единственным, как единственной была его одаренность — каждая фраза, им произнесенная, совсем простая, была произведением искусства. Он был одарен и музыкально, и в смысле рисунка, и красок. Знания его были разнообразны и систематичны — обо всем можно было с ним говорить. Как и когда успел он со всем ознакомиться, столько изучить и продумать? — не было отрасли человеческих знаний, мысли, искусства, которую не знал бы, на которую не было бы своего взгляда у этого маленького, старого и слабого человека с несокрушимой силой духа.

У меня осталось несколько подписанных А. М. экземпляров его последней книги — я сохраняю их для тех, кто особенно любит А. М. — я пошлю Вам одну из них. При жизни А. М. мы (я и мой муж) занимались изданием «Оплешника» — книги эти очень плохо продавались. После смерти А. М. я их больше не пускаю в продажу (осталось мало — они выходили всего в 300-х экземплярах) — берегу для библиотек или для особенных случаев. Я бы просто давала их даром, но 1) надо собрать денег на издание последней подготовленной к печати (в послед<ние> дни жизни) книжки «Оплешника» — «Павым пером»¹⁹ и 2) я хотела бы поставить гранитный крест на могиле А. М. и С. П. Ремизовых.²⁰ Спишитесь, если можете, с библиотекой-<библиоте>ками в Америке — я могла бы им дать по целой серии («Повесть о двух зверях», «Бесноватые», «Мелюзина», «Мышкина дудочка», «Огонь вещей», «Мартын Задека», «Тристан» и «Перстень Соломона»²¹ Во что их оценить, не представляю себе, хотелось бы подороже, конечно.

Относительно рукописей и бумаг. Многое А. М. передал мне еще раньше, остальное поступило ко мне после смерти А. М. (на книги и рукописи А. М. составил завещание).²² Со временем все это пойдет в Пушкинский Дом А<кадемии> Н<аук> в Ленинграде. Но я должна до этого времени много еще поработать над архивом — времени у меня мало, но временем я не ограничена: А. М. дал мне на мое усмотрение.

Кроме моего, имеется еще архив у Н. В. Кодрянск<ой>,²³ которая скоро должна издать «биографию» А. М.²⁴ Кроме того, часть рукописей А. М. еще при жизни А. М. (без его ведома и согласия) была увезена в Америку (Солнцевым), который взялся сохранить их у себя под Парижем в «куроводстве». Справьтесь — они, кажется, в Колумбийском (или другом университете).²⁵ В продаже на складах УМСА имеется еще «Подстрижен<ны>ми> глазами»²⁶ и в «Доме книги» «Пляшущий Демон».²⁷ Если Вам надо какую-нибудь книгу или справку, я с удовольствием все сделаю. Какие у Вас собаки? У меня черный пудель Жучек — его очень любил А. М. — болезненно любивший и жалевший собак. В детстве у него были «Лисик» и «Розик».²⁸ Сердечный привет Вам и Вашей семье. Я помню, как Вы заботились о А. М.

Наталья Резникова.

¹ Речь идет о фантастическом тайном обществе, учрежденном Ремизовым в 1908 г., — Обезьяньей Великой и Вольной Палате, в которой Марков был удостоен звания «кавалера

обезьяньего знака с паутиной хчеей I степени». См.: Письма А. М. Ремизова к В. Ф. Маркову. С. 433.

² Ср., напр.: «Последние годы Алексей Ремизов так старательно отгораживает себя от читателя, так тщательно прячется в уютный домик своей чисто ремизовской „зауми“, что не мудроно, если читатель к каждой новой вещи подходит с опаской и предубеждением» (*Бем А. «Индустриальная подкова» Алекс. Ремизова // Руль. 1931. 13 авг. № 3256. Цит. по: Бем А. Л. Письма о литературе. Praha, 1996. С. 76.*)

³ Ремизовское определение жанра короткого рассказа. См. окончание авторского комментария к книге «Посолонь», содержащее миниатюру «Завитушка» (*Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2000. Т. 2. С. 181—182.*)

⁴ «Можно было бы построить целую метафизику на одном из этих рассказов о повседневной жизни». «Может быть, самый большой русский писатель первой половины века и, определенно, исключительный художник» (*фр.*). Высказывания поэта и критика Филиппа Жакоттэ (*Ph. Jacottet*) из посвященной Ремизову статьи «По направлению к России: Страж отверженных» («*Du côté de la Russie: Le veilleur des Misérables*»), которая была напечатана в газете «*Gazette de Lausanne*» (1955. 8—9 Oct.). Об этой статье Н. В. Резникова писала в своих воспоминаниях: «В ней имеется фраза о том, что можно построить целую метафизику на маленьком рассказе Ремизова из повседневной жизни. Рассказы, о которых отзывается Жикоттэ, принадлежат к „реальному миру“, идут по линии Достоевского, как, например „Бурков дом“ (*Крестовые сестры*)» (*Резникова Н. В. Огненная память. С. 129.*)

⁵ Картезианство — философское направление XVII—XVIII вв., названное так по имени Р. Декарта (в соответствии с его латинизированным именем *Cartesius*), основаниями которого являлись последовательный дуализм и самодостоверность сознания. Имеется в виду статья *Бориса Константиновича Зайцева* (1881—1972) «Смерть Ремизова», в которой творческая природа писателя противопоставляется европейскому рационализму: «Глубоко русский человек. И очень был умен, один из умнейших наших писателей. Но никак не „Декартовского“ духа. Подземное, путанное и сложное было в нем, смесь горечи, ущемленности, как бы всегдашней обойденности с сознанием превосходства. Замечательная память и сновидчество, чувство древней Руси, древнего языка и близости к сюрреалистам, фантастические рисунки (пока видел, любил рисовать) и склонность к мельчайшим, утомительным описаниям» (*Русская мысль. 1957. 3 дек.*)

⁶ В 1895 г. Ремизов поступил вольнослушателем на естественное отделение математического факультета Московского университета. Образование было прервано арестом за участие в демонстрации, устроенной 18 нояб. 1896 г. в память о событиях на Ходыньском поле.

⁷ Речь идет о В. И. Малышеве, собравшем обширную «аввакумиану». См.: *Малышев В. И. Библиография сочинений протопопа Аввакума и литературы о нем 1917—1953 годов // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1958. Т. 10. С. 435—446.*

⁸ Впоследствии В. Ф. Марков опубликовал статью «Неизвестный писатель Ремизов». См.: *Aleksej Remizov. Approaches to a Protean Writer / Ed. by G. N. Slobin // UCLA Slavic Studies. 16. 1987. P. 13—18.*

⁹ Ср.: «Я не собираюсь воскрешать никакие словесные века. Ни XI-й — русскую речь в староболгарском, ни XV — в сербском наряде, ни деловую дьяческую — XVI—XVII вв. Я хочу, усвоив сложение русской природной речи, подслушав в сборе ладов русские ряды, по-своему складывать слова» (*Ремизов А. А. Р. (Дом, отмеченный войной). С. 309.*)

¹⁰ Об особенностях природной русской речи («русского лада») Ремизов рассуждал в очерке «Живой воды», посвященном А. С. Пушкину (первые: *Русские новости. 1949. 3 июня. № 209; см. также: Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2002. Т. 7. С. 248—250.*) Ср. также: «Мое построение фразы с голоса русского народа, его живой речи. В русском человеке, запутанном образцами искусственной книжной речи, я могу пробудить его русскую душу. Я на примере показываю, как зазвучит книжная фраза „немецкой конструкции“ на русский лад» (*Ремизов А. Как научиться писать // Europa orientalis. Pietroburgo; Salerno, 2003. Vol. 4. Алексей Ремизов: Исследования и материалы. С. 279; публ. А. М. Грачевой.*)

¹¹ Ср.: «...Ремизов весь в этике Достоевского, весь в тех проблемах, которые больше всего поставлены в лице Раскольникова или Ивана Карамазова, и если он уж ищет смысла жизни, то преимущественно нашей, человеческой, оправдания того зла, которое больше всего и больше всего переживается нами. <...> пусть, словом, он ощущает изначальное зло во всем мире, все же чувствуется, что это не более, как фон, который еще резче подчеркивает его неизбывную тоску за муки брата, муки человеческие от человеческих же рук. Повторяю, в этических про-

блемах, выявлении наших неоправданных страданий, в искании смысла жизни не для себя, для всех, — вот в чем проявляется вся тревога его духа, вот где пафос его творчества» (*Долинин А.* Отрешенный (К психологии творчества Федора Сологуба) // *Заветы.* 1913. № 7. С. 74). Рассуждения о человеческой судьбе в контексте творчества Достоевского посвящая 5-й раздел очерка «Звезда-полюнь» (1947; первая публ. — 1950), вошедший в книгу «Огонь вещей». Достоевский связывал тему «Голгофы» (искупления Христа) с темой человеческой свободы. Подробнее см. главу «Великий инквизитор» — в романе «Братья Карамазовы».

¹² Очевидно, речь идет о книге А. Н. Лескова «Жизнь Николая Лескова. По его личным, семейным и несемейным записям и памятям» (М., 1954) из библиотеки Ремизова. Упоминание об этом издании см. в записках писателя «А. Р. (Дом, отмеченный войной)». С. 306.

¹³ А. Н. Лесков описал кончину своего отца как «сон, перешедший в „пробуждение ото сна жизни“» (цит. по: *Лесков А. Н.* Жизнь Николая Лескова. По его личным, семейным и несемейным записям и памятям: В 2 т. М., 1984. Т. 2. С. 489. См. также: *Резникова Н. В.* Огненная память. С. 144.

¹⁴ Несколько слов густо зачеркнуты.

¹⁵ Подразумевается пассаж из статьи Маркова «Заметки на полях», посвященной современной эмигрантской литературе: «Глава о Чернышевском в „Даре“ Набокова — роскошь! Пусть это несправедливо, но все ведь заждались хорошей оплеухи „общественной“ России» (*Опыты.* 1956. № 6. С. 66). Это высказывание вызвало широкий резонанс в литературной среде. Подробнее см. коммент. О. Коростелева и Ж. Шерона к публ. «„... Мир на почетных условиях...“ Переписка В. Ф. Маркова с М. В. Вишняком (1954—1959)» (*Дiaspora: Новые материалы.* Париж; СПб., 2001. Вып. 1. С. 561—564, 565—566, 571—572).

¹⁶ Речь идет о негативном отношении некоторых писателей-эмигрантов к литературной деятельности В. Г. Белинского. Князь Д. П. Святополк-Мирский считал, что на Белинском «лежит вина за ужасающее многословие и неряшливость русских журналистов второй половины XIX века (имею в виду журналистов, а не газетчиков) <...> Безусловно, ни один автор ранга Белинского не писал таким чудовищным языком» (*Мирский Д.* История русской литературы с древнейших времен по 1925 год / Перевод с англ. Р. Зерновой. London, 1992. С. 263). Н. В. Резникова, очевидно, подразумевала и Г. Адамовича, назвавшего Белинского «пустомелей» в статье «Невозможность поэзии», вышедшей уже после смерти Ремизова (*Опыты.* 1958. № 9. С. 51). Ср. также письмо В. Ф. Маркова к М. В. Вишняку от 5 апреля 1959 г., в котором он сочувственно упоминает высказывания Адамовича и Святополка-Мирского («... Мир на почетных условиях...»: Переписка В. Ф. Маркова с М. В. Вишняком (1954—1959). С. 583).

¹⁷ Вероятно, Ремизову запомнилось высказывание, вошедшее в книгу Розанова «Сахарна», которая готовилась к печати летом 1917 г. Ср.: «„Пришествие Гиксосов“. Черт их знает, откуда-то „Гиксосы“ взялись; историки не знают откуда. Пришли и разрушили египетскую цивилизацию, 2000 лет слагавшуюся. Потом через 1½ века их прогнали. И начала из разрушения она восстанавливаться; с трудом, медленно, но восстановилась» (*Розанов В. В.* Сахарна. М., 1998. С. 18). Гиксосы — семитское племя или группа племен, которые завоевали Египет на рубеже XVIII—XVII вв. до н. э., а в 1580 г. до н. э. были изгнаны из страны.

¹⁸ Возможно, отсылка к статье Н. Корянской «Сказочник», опубликованной в специальном выпуске литературно-художественного ежемесячника «Дело» (Сан-Франциско), посвященном А. М. Ремизову (1951. Апрель. Т. 1, № 4. С. 1—7).

¹⁹ Издание посмертной книги так и не состоялось из-за недостатка средств. Подготовленный Ремизовым в самом конце жизни макет книги (первоначально имевшей несколько названий: «Павий пером», «Павым пером» и др.) был доработан В. Б. Сосинским и передан им в РГАЛИ. Публикация «Павильным пером» была осуществлена в соответствии с данным макетом в 1994 г. Н. Ю. Грякаловой.

²⁰ Гранитный крест был поставлен Н. В. Резниковой и ее сыновьями Андреем и Егором после перенесения могилы Ремизовых на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

²¹ Речь идет о книгах Ремизова, вышедших в издательстве «Оплешинок»: «Повесть о двух зверях. Ихнелат» (1950), «Бесноватые. Савва Грудцын и Соломония» (1951), «Мелюзина. Брунчик» (1952), «Мышкина дудочка» (1953), «Огонь вещей. Сны и предсонье» (1954), «Мартын Задека. Сонник» (1954), «Тристан и Изольда. Бова Королевич» (1957), «Круг счастья. Легенды о царе Соломоне» (1957).

²² В «Духовной», составленной 7 октября 1957 г., Ремизов подробно распорядился относительно всех частей личного архива: «Моим опекунам — Наталья Викторовна и Даниил Геор-

гиевич Резниковы, Тиллет и Александр Семенович Лурье, Наталья Владимировна Кодрянская (Natalie Codray) и Исаак Вениаминович (Jacques Codray) — поручаю распорядиться моим книжным добром: библиотека, рукописи и рисунки. Библиотека — Резниковым, рукописи издать. Авторские права на мои сочинения на русском и иностранном, изданные в России и за границей, передаю моим ученицам — Наталье Владимировне Кодрянской (Codray), автор „Сказок“, Париж 1950; Наталье Викторовне Резниковой — переводчик моих „Подстриженных глаз“, Les Yeux Tondus, Ed. Gallimard» (*Кодрянская Н.* Пятилетие смерти А. М. Ремизова // Новое русское слово. 1962. 25 нояб. № 18157. V. LIL. С. 8; частично републиковано в: *Ремизов А. М.* Собр. соч. М., 2003. Т. 10. С. 417).

²³ Начиная с весны 1961 г. Н. В. Кодрянская планомерно пересылала в архив Пушкинского Дома книги и альбомы Ремизова (см. ее письма к В. И. Малышеву: РО ИРЛИ, ф. 494, оп. 2, ед. хр. 1474).

²⁴ Имеется в виду книга детской писательницы *Натальи Владимировны Кодрянской* (урожд. фон Гернгросс; 1901—1983) «Алексей Ремизов» (Париж, [1959]. Историю ее создания см.: *Грачева А.* Творческие материалы А. Ремизова к книге Н. Кодрянской // *Europa orientalis*. Vol. 4. Алексей Ремизов: Исследования и материалы. С. 249—262.

²⁵ *Константин Иванович Солнцев* (1894—1961) — коллекционер, библиофил, закончил Санкт-Петербургский университет; эмигрировал в США, затем переселился в Берлин, позже в Париж, где работал таксистом и вместе с тем восстанавливал и комплектовал Тургеневскую библиотеку. В 1948 г. он помогал Ремизову в разборке и систематизации архива 1920—1930-х гг., после чего в его распоряжении оказалась часть архива, которую писатель передал для планировавшегося общего архива русской эмиграции («Музея русской эмигрантской литературы»). В 1948 г. Солнцев переехал в США. В частности, альбом «Письма Василия Васильевича Розанова», в составе которого находится письмо Ремизова Солнцеву от 4 дек. 1940 г., подтверждающее передачу альбома, оказался в библиотеке Гарвардского университета (Houghton Library, Гарвард, США).

²⁶ Речь идет о книге воспоминаний Ремизова, вышедшей в парижском издательстве «УМСА-Press» (1951).

²⁷ Подразумевается склад парижского издательства «Дом книги», выпустившего книгу Ремизова «Пляшущий демон. Танец и слово» (1949).

²⁸ Собаки Лисик и Розик упоминаются в автобиографической книге «Подстриженными глазами».

II. ПЕРЕПИСКА Н. В. РЕЗНИКОВОЙ С В. И. МАЛЫШЕВЫМ (1957—1964)

1. Н. В. Резникова — В. И. Малышеву

Natalie Reznikoff
11, rue Camille Desmoulins
Cachan Seine

23—IX—<19>57

Глубокоуважаемый Владимир Иванович.

Посылаю Вам — для «Пушкинского Дома» еще 2 фото А. М. Ремизова.

«На кухне»¹ — снята перед войною, в 1939 г. Если Вы прочли «Сквозь огонь скорбей» (В розовом блеске),² то представляете себе всю тяжесть годов войны — при больной Серафиме Павловне — перенесенных А. М. с невероятным (по его физической хрупкости), «Аввакумовским» мужеством.

Вторая карточка — «В сквере Толстого»³ недавно открытый в Париже сквер имени Толстого возле бульвара Suchet, в XVI^m arr^ondissement* — на

* округе, районе (*фр.*).

мой взгляд, эта карточка представляет скорее интерес «ансамбля» — исторический и символический, т.к. как она совсем верно передает лицо и особенно выражение А. М. — и Толстой не похож на Толстого.

Я сейчас занята исправлением опечаток (их много!) книги «Взвихрённая Русь» (ударенье на ё, издана в 1927 г.), которая будет Вам послана. Эти старые довоенные издания книг А. М. — стали теперь редкостью и их приобретаем с трудом у букинистов. Что же касается более новых («Оплешник» — оплешник — от слова «оплетать» / очаровывать — «чаровать» — «чаровник»⁴), то если Вы желаете — можно будет постепенно послать Вам по второму экземпляру: таким образом, Вы сможете иметь эти книги лично для себя.

Вот книги, которые А. М. хотел бы иметь:

2 последние тома (XII и XIII Трудов отдела по изучению Древнерусско^й лит^{ерату}ры (боюсь, что по памяти пишу название неверно).⁵

Филдинг (II тома). Избранные произведения.⁶

«На горах» и «В лесах» — Мельникова-Печерского.

Аркадию Семеновичу Долинину⁷ будет послан «Огонь вещей».⁸

Сердечный привет.

Н. Резникова.

Здоровье А. М. в настоящий момент не вполне удовлетворительно. Была чуть-чуть повышенная т°. У А. М. вообще т° очень низкая (лягушечья⁹), и малейшее повышение он трудно переносит — задыхается. Сейчас т° нормальная (36,3—36,5). Надеюсь, что и дыхание придет в норму.

¹ Фотография опубликована в т. 10 Собр. соч. писателя (М., 2003).

² Речь идет о главе из книги Ремизова «В розовом блеске» (Нью-Йорк, 1952).

³ Фотография (1956 г.) опубликована в т. 7 Собр. соч. писателя (М., 2002).

⁴ Ср.: «Оплешник — старое русское, означает „чаровник“: оплетать (оплешник) — очаровывать. А также чаровная заводь, место чарования, как „оракул“. Говорится: „ступай в Оплешник. Повстречаешь оплешника“» (Ремизов А. Повесть о двух зверях. Ихнелат. Париж: Оплешник, 1950. С. 62).

⁵ Речь идет о «Трудах Отдела древнерусской литературы», выходящих под грифом Пушкинского Дома. См.: М.; Л., 1956. Т. 12; М.; Л., 1957. Т. 13.

⁶ Подразумеваются «Избранные произведения» Г. Филдинга (В 2 т. М., 1954).

⁷ Долинин Аркадий Семенович (наст. фам. Искоз; 1883—1968) — критик, литературовед, исследователь творчества Ф. М. Достоевского; был лично знаком с Ремизовым в Петербурге в 1900—1910-х гг. См. его отзыв на Собр. соч. Ремизова в 8 т. (1908—1912) под названием «Обреченный» в газете «Речь» (1912. 17 июля. № 163. С. 2), а также рец. на повесть «Странница» (Дело народа. 1918. 21 апр. № 25. С. 3). 20 сент. 1957 г. Ремизов адресовал своему старому знакомому письмо с вопросом о происхождении апокрифа в романе «Преступление и наказание» (см.: ОР РНБ, ф. 1303, оп. 1, ед. хр. 246).

⁸ В книге «Огонь вещей» А. С. Долинин упоминается в связи с исследованием истории создания рассказа Ф. М. Достоевского «Скверный анекдот» (см.: Ремизов А. Собр. соч. М., 2002. Т. 7. С. 310).

⁹ Ср. письмо Ремизова к Н. В. Кодрянской от 10 нояб. 1948 г.: «...обещают затопить, а пока жгу электричество. Подам прошение с докторским свидетельством о возрасте и лягушачьей температуре» (Кодрянская Н. Ремизов в своих письмах. Париж, 1977. С. 108).

Natalie Reznikoff
11, rue Camille Desmoulins
Cachan (Seine)

28—IX—<19>57

Глубокоуважаемый Владимир Иванович,

Алексей Михайлович просит меня поскорее послать Вам появившуюся наконец в «Русских новостях» заметку о Вашем Сухане.¹

Эти дни А. М. совсем слабый и задыхается — и не продиктовал, попросил меня написать Вам за него из дому. Вот справка:

Мережковский Дмитр<ий> Сергеевич 1865—1941

Минский Николай Максимович (Н. М. Виленкин) 1855—1937²

Гиппиус Зинаида Николаевна 1869—1945

Шмелев Иван Сергеевич 1875—1950

Что касается Зинаиды Афан<асьевны> Венгеровой³ — он постарается узнать, тогда сообщит Вам. Сейчас в Париже живет ее племянница Ю. Сазонова (автор вышедшей в Нью-Йорке 2-томн<ой> истории древн<ей> русской литературы),⁴ но она, к сожалению, сейчас очень больна.

А. М. очень, очень обрадовала статья в колхозной газете с земли Аввакума.⁵ Он просит передать привет аспиранту Панченко⁶ — спрашивает как его имя-отчество и кто его отец.⁷

Мы прочли также маленькое извещение в ленинградской газете о выставке книг А. М.⁸ Надеюсь, что посланные фотографии и книги (последняя «По карнизам»;⁹ «Взвихренную Русь»¹⁰ — посылаю сегодня) придут вовремя.

Скажите милым дамам из Пушкинского Дома (как жаль, что А. М. слаб и почти не видит — иначе нарисовал бы и выдал бы им всем обезьяньи значки и грамоты!), что у меня много фотографий А. М. и Серафимы Павловны — разных годов. Что со временем дам их переснять и пошлю им. Но сейчас у А. М. трудный период, и все время, которым располагаю (и не располагаю!), посвящаю ему. (После смерти Серафимы Павловны Алексей Михайлович дал мне большую часть своего личного архива, кроме того, у меня за много лет скопилось много писем, рукописей, рисунков, автографов и т. д.)

С Разумником Васильевичем Ивановым-Разумником А. М.-а много лет связывали дружеские отношения.¹¹ Кроме того, Р. В. состоял редактором журнала (ов?) (Заветы, если не ошибаюсь — выходили до войны 14го года) и стоял во главе издательств.¹² Я спрошу подробнее у А. М. — неудивительно поэтому, что в его архиве имеются рукописи Ремизова.¹³

А. М. очень рад был иметь Вашу фотографию (а также Ваших сотрудников и сотрудниц!), хоть он и очень плохо видит — все же видит — вторым зрением — и другие глаза могут, увидев, ему описать. Ваши письма мы наклеиваем в особый «синий» альбом. Наклеим и фотографию! Я уже писала Вам, что переписка с вами радует А. М., и он с радостью посылает в Россию свои книги. Он вовсе не считает, что ему что-то надо было бы посылать взамен. Но если Пушкинский Дом может достать для него некоторые книги — он будет рад и благодарен очень. Сейчас он прочел о выходе

Словаря русского языка в 4-х томах под ред. Виноградова и т. д.¹⁴ Вот если б можно было ему послать! Но это, конечно, в случае, если это доступно и не слишком хлопотно. Надеюсь, что скоро смогу Вам сообщить о том, что Алексею Михайловичу лучше. Всего, всего Вам хорошего. Спасибо за А. М.

Нат. Резникова.

¹ Подразумевается заметка А. Дедова (А. Г. Савченко) «„Повесть о Сухане“. Находка в Институте русской литературы», опубликованная в парижской газете «Русские новости» (27 сент. № 643), которая информировала о публикации и исследовании В. И. Малышевым единственного сохранившегося списка повести XVII в., являющейся переработкой древнерусской былины о богатыре Сухане. См.: *Малышев В. И.* «Повесть о Сухане». Из истории русской повести XVII века. М.; Л., 1956.

² Н. М. Минский родился в 1856 г.

³ *Венгерова З. А.* (1867—1941).

⁴ *Сазонова Юлия Леонидовна* (урожд. Слонимская; 1884—1957) — историк балета, театральный и литературный критик, автор философско-публицистических статей и литературных портретов. Мать Ю. Л. Сазоновой — Фаина Афанасьевна Слонимская была родной сестрой Зинанды и Семена Венгеровых. Речь идет об издании: *Сазонова Ю.* История русской литературы. Древний период: В 2 т. Нью-Йорк, 1955. Ср. отзыв писателя: «Сравнить можно только с катехизисом. Семен Афанасьевич Венгеров, родной дядя Ю. Л. <Сазоновой> наградил бы племянницу ученой степенью: доктор изящной словесности. А Обезьяня Великая и Вольная Палата — в академики» (*Ремизов А. А. Р.* (Дом, отмеченный войной)) // *Euroa orientalis*. Vol. 4. Алексей Ремизов: Исследования и материалы. С. 307; публ. А. М. Грачевой).

⁵ Имеется в виду заметка «Аввакум Петров» (Колхозная жизнь. 1957. 11 сент.), опубликованная А. М. Панченко на родине протопопа Аввакума в колхозной газете, выходившей в селе Большое Мурашкино Горьковской обл. Примечательно, что в ней содержится упоминание о А. М. Ремизове.

⁶ *Панченко Александр Михайлович* (1937—2002) — в 1958 г. аспирант Института русской литературы; с 1962 г. научный сотрудник Сектора древнерусской литературы; ученик В. И. Малышева, после его смерти возглавил Древлехранилище Пушкинского Дома; с 1990 г. действительный член Российской Академии наук, крупнейший специалист по русской истории, литературе и культуре XI—XVII вв.

⁷ Отец А. М. Панченко *Михаил Андреевич Панченко* (1909—1942) — филолог, с 1935 г. научный сотрудник Пушкинского Дома. Подробнее о нем см.: Пушкинский Дом: Материалы к истории. 1905—2005. СПб., 2005. С. 501.

⁸ Очевидно, речь идет о заметке, опубликованной в «Вечернем Ленинграде» (1957. 19 сент.): «Восьмидесятилетний писатель А. М. Ремизов, много лет живущий в Париже, прислал в Пушкинский дом Академии наук коллекцию своих книг, печатанных в 1949—1957 гг. Среди них — художественные переработки древнерусских повестей „О Савве Грудцыне“, „О Петре и Февронии“, „О бесноватой Соломонии“ и др. Большой интерес представляют воспоминания А. М. Ремизова о встречах с А. М. Горьким, В. Г. Короленко, М. М. Пришвиным, И. С. Шмелевым и другими русскими писателями».

⁹ Повесть Ремизова «По карнизам» была издана с фотографией и факсимильной подписью автора.

¹⁰ См.: *Ремизов А.* Взвихренная Русь. Париж: ТАИР, 1927.

¹¹ *Иванов-Разумник* (наст. имя: Разумник Васильевич Иванов; 1878—1946) — историк общественной мысли, литературный критик, публицист. Об истории отношений Ремизова и Иванова-Разумника см.: Письма Р. В. Иванова-Разумника к А. М. Ремизову (1908—1944 гг.) / Публ. Е. Обатниной, В. Г. Белоуса и Ж. Шерона; Вступ. заметка и коммент. Е. Обатниной и В. Г. Белоуса // *Иванов-Разумник. Личность. Творчество. Роль в культуре.* СПб., 1998. Вып. 2. С. 19—24.

¹² Подразумевается редакционная деятельность Иванова-Разумника в журнале «Заветы» (1912—1914), издательстве «Сири» (1912—1915), альманахе «Скифы» (1917), газ. «Знамя труда» (1917—1918), журнале «Наш путь» (1918).

¹³ См.: *Обатнина Е. Р.* Материалы А. М. Ремизова в архиве Р. В. Иванова-Разумника // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1997 год. СПб., 2002. С. 3—23.

¹⁴ Очевидно, ошибочная контаминация двух четырехтомных изданий — «Словаря русского языка» под ред. чл.-корр. АН СССР М. П. Алексеева (Т. 1. М., 1957) и «Словаря языка Пушкина» под ред. академика *Виктора Владимировича Виноградова* (1895—1969) (Т. 1. М., 1956).

3. В. И. Малышев — Н. В. Резниковой

Глубокоуважаемая Наталья Викторовна!

Спасибо Вам за две книги и фотографии (четыре). Институт получил их в полной сохранности. Мне лично книг А<лексея> М <ихайловича> присылать не надо, я ведь знаю, как он живет. А вот для Института будут интересны и переводы его произведений на иностранные языки. Я думаю, что для нашего Института будет важно также иметь подробную библиографию всех трудов А. М., включая даже мелкие его статьи и заметки в газетах.

Для себя лично (потом, конечно, тоже пойдет в Пушкинский Дом) я просил А. М. достать только одну книгу — перевод Жития протопопа Аввакума на английский язык (Лондон, 1924 г.).¹ В обмен на это издание я могу прислать книги нужные владельцу этого перевода. У меня эта книга была, но во время войны пропала.

«Труды отдела древнерусской литературы», т. XII и XIII посланы. Филдинга (т. 3) ищут для меня букинисты. Романы П. И. Мельникова-Печерского скоро вышлем.

В этом письме Вам посылается уведомление нашего Музея о получении им фотографий, вырезка из газеты «Вечерний Ленинград» об А. М. Ремизове и письмо нашего старшего научного сотрудника А. П. Могиланского.² Проф<ессор> А. Л. Дымшиц³ просит А. М. Ремизова написать ему о встречах А. М. с С. Есениным и В. Маяковским. Если А. М. об этом уже где-то напечатал, то пусть сообщит: где, когда.⁴ Курсовая студенческая работа проф. А. Л. Дымшица была посвящена А. М. Она называлась так: «Фольклор в творчестве А. М. Ремизова». А. Л. начинал свою научную работу фольклористом, сейчас занимается изучением творчества советских писателей, в том числе Есенина и Маяковского. Адрес проф. Дымшица след<ующий>: Ленинград, Исаакиевская площадь, Институт истории театра и музыки, зам. директора Института проф. Александру Львовичу Дымшицу.

В статье Ю. Терапиано «Об Аввакуме» упоминается статья А. М. Ремизова о протопопе Аввакуме в одной из парижских газет.⁵ Мне известна его небольшая информационная статья 1937 г. о диссертации П. К. Паскаля.⁶ Что имеет в виду Ю. Терапиано? Спросите А. М. Дело в том, что, как только я буду немного посвободнее от разных тем и заданий (в этом году и в 1958 г. это не удастся), я мечтаю написать статью «Протопоп Аввакум в творчестве А. М. Ремизова».⁷ Ее мы опубликуем в одном из томов наших «Трудов». А поэтому мне интересно знать все написанное А. М. об Аввакуме. А М. А. Осоргин не писал об Аввакуме?⁸

Еще раз большое спасибо Вам за книги и фотографии и за заботу об Алексее Михайловиче, которого у нас в Пушкинском Доме любят и всегда желают ему крепкого здоровья и творческого счастья.

С уважением,

В. Малышев

4/X<19>57.

Р. С. Кланяйтесь от меня А. М. Ремизову, проф. П. К. Паскалю, проф. А. А. Мазону⁹ (он писал мне, что в конце сентября будет в Москве и Ленинграде) и В. П. Никитину.

Р. С. Сейчас получил Ваше письмо с рецензией на мою книгу.¹⁰ Большое спасибо. Если пришлете еще один экземпляр рецензии, — я передам его в сектор. 4-томный словарь постараемся выслать.

В. М.

Ученые архивные дамочки кланяются Алексею Михайловичу, сердечно благодарят его за сведения о писателях и желают ему хорошего здоровья.

¹ Речь идет об издании «The life of the Archpriest Avvakum by Himself. Translated from the Seventeenth Century Russian by Jane Harrison and Hope Mirrlees, with a Preface by Prince D. S. Mirsky» (London, 1924), подготовленном кембриджским филологом-классиком Дж. Харрисон совместно с писательницей Х. Миррлиз. Книга, в знак благодарности за помощь при подготовке перевода, предварялась посвящением чете Ремизовых, с которыми Харрисон тесно общалась в 1922—1926 гг. в Париже. Подробнее см.: Неизвестные письма Д. П. Святополка-Мирского середины 1920-х годов / Вступ. статья, публ. и коммент. А. Б. Рогачевского // Диаспора: Новые материалы. СПб., 2001. Вып. 2. С. 354—355.

² Подробнее об *Александре Петровиче Могиланском* (1909—2001), сотруднике Пушкинского Дома (с 1956), специалисте по творчеству А. Ф. Писемского и И. А. Крылова, см.: Пушкинский Дом: Материалы к истории. 1905—2005. С. 485—486.

³ Подробнее об *Александре Львовиче Дымишце* (1910—1975), исследователе творчества Н. А. Некрасова, С. А. Есенина, В. В. Маяковского, см.: Там же. С. 440.

⁴ О Есенине Ремизов упоминает в книге воспоминаний «Встречи. Петербургский буерак» (Париж, 1981). Ср.: «...забрелет „по пророчеству“, „ведомый рукой Всевышнего“, Н. А. Клюев... За Клюевым придет в нескладном „спиджаке“ ковылевый С. Есенин и будет ласково читать о „серебряных лапоточках“...» (*Ремизов А. М.* Собр. соч. М., 2003. Т. 10. С. 198—199). Встречи с Маяковским в воспоминаниях Ремизова не отражены.

⁵ Статью поэта и критика *Юрия Константиновича Терапиано* (1892—1980) «О протопопе Аввакуме» см.: Русская мысль. 1957. 11 мая. № 1054.

⁶ *Паскаль Петр Карлович* (Pierre Paskal; 1890—1982) — французский славист, специалист по допетровской Руси и творчеству протопопа Аввакума, почетный профессор Школы восточных языков и Сорбонны; автор статей о Ремизове. Его диссертацию см.: *Pascal P. Avvakum et les débuts du raskol. La crise religieuse au XVIIe siècle en Russie.* Paris, 1938.

⁷ Замысел не был осуществлен.

⁸ Рассказ прозаика и публициста *Михаила Андреевича Осоргина* (наст. фам. Ильин; 1878—1942) «Аввакум» был впервые опубликован в газете «Последние новости» (1935. 6 авг. № 5247), а позже включен в книгу «Повесть о некоей девице. Старинные рассказы» (Таллин, 1938).

⁹ *Мазон Андре* (Mazon; 1881—1967) — французский филолог-славист; член Французской Академии (с 1935), Академии надписей и изящной словесности (с 1941), иностранный член АН СССР (с 1928); директор Парижского института славяноведения (1937—1959); почетный

президент Института славянских исследований Парижского университета; основал (совместно с А. Мейе и П. Буайе) международный славистический журнал «Revue des études slaves». Автор многочисленных работ по истории русской и славянской литератур; в частности, рецензии на книгу В. И. Малышева «Повесть о Сухане». См.: Revue des études slaves. Paris, 1957. Т. 34, fasc. 1—4. P. 255).

¹⁰ См.: п. 2, примеч. 1.

4. Н. В. Резникова — В. И. Малышеву

Natalie Reznikoff
11, rue Camille Desmoulins
Cachan (Seine)

16—X—<19>57

Глубокоуважаемый Владимир Иванович.

Алексей Михайлович получил посланные Вами книги и очень Вас благодарит.

Посылаю Вам уведомление для Пушкинского Дома — простите, с опозданием, — здоровье А. М. не хуже, но и не лучше, он очень слаб и задыхается. В Париже «grippe asiatique»* — не опасная болезнь — но много больных, и самые верные помощники в «кукушкиной» (комната, где живет и работает А. М.) выбыли из строя.

Я послала на Ваше имя книгу «Взвихренную Русь» — тоже с опозданием. В те дни А. М. особенно плохо себя чувствовал. Сейчас я боюсь, вспоминая, что забыла написать «Пушкинский Дом» — а просто АН СССР. Надеюсь, что книга все же дойдет до Вас. Справьтесь.

Книги «Оплешника» имеются у нас в достаточном количестве, если Вы желаете, с удовольствием пошлем Вам лично, что Вы хотите. Вы много сделали для А. М.!

Я получила справку о смерти Зинаиды Афанасьевны Венгеровой: она умерла в Америке летом 1942 г. (постараюсь узнать точно число и месяц — сообщу Вам).¹

Я прилагаю Вам письмо Татьяны Алексеевны Осоргиной.² Книгу «Житие протопопа Аввакума» на английском языке ищут для Вас в Англии.

Библиография книг А. М. Ремизова, изданных на родине и за рубежом, напечатана в конце книги «Круг счастья».³ Она была Вам послана — получили ли Вы ее?

Обычно свои отдельные статьи и заметки А. М. включает в свои книги. У него две большие неизданные книги «Иверень»⁴ (автобиографическое — следует за «Подстриженными глазами»: с 1897 г. тюрьма, ссылка, литературный Петербург с 1905 г. — «Петербургский буерак»⁵) и «Учитель музыки»⁶ — жизнь за границей. Все, как всегда в «мире» Ремизова, переплетается — каждодневная маленькая человеческая жизнь с «памятью прошлого» (Аввакум, XVII^в XII^в век, легенды и т. д.), литературой и своеобразной «философией». О его простых рассказах французский критик написал: «On rouvrirait aisément y bâtir une métaphysique».⁷

Как только А. М. станет легче дышать, я пошлю в Пушкинский Дом все, что смогу достать из переводов его произведений на французский и

* азиатский грипп (фр.).

другие языки — а также статьи о нем. К его книге Maison Bourkov («Крестовые сестры») написал предисловие Ромэн Роллан.⁸ Пошлю также «инострannую библиографию» Ремизова.

А. П. Могилянскому — о Писемском — я написала — со слов А. М., на днях поговорим, и я запишу о встречах с Маяковским и Есениным для А. Л. Дымшица.

П. Паскаль давно не заходил (грипп?). А. М. с большим удовольствием прочел о Вашем выигранном пари.

А. М. кланяется Вам, сотрудникам и сотрудницам Пушкинского Дома. Сердечный привет от Вас<илия> Петр<овича> Никитина и меня.

Наталья Резникова.

¹ З. А. Венгерова скончалась в Нью-Йорке 29 июня 1941 г.

² Письмо *Татьяны Алексеевны Осоргиной* (1904—1995), жены М. А. Осоргина, датированное 9 окт. 1957 г., являлось ответом на запрос В. И. Малышева. Письма Т. А. Осоргиной к В. И. Малышеву см.: РО ИРЛИ, ф. 494, оп. 2, ед. хр. 1517.

³ См.: *Ремизов А.* Круг счастья: Легенды о царе Соломоне. 1877—1957. [Париж], 1957. С. 63.

⁴ «Иверень» охватывает 1896—1903 гг. жизни писателя. Реконструкция книги по первым публикациям в периодической печати была осуществлена в издании: *Ремизов А. М.* Иверень. Загогулины моей памяти / Ред., послесл. и коммент. О. Раевской-Хьюз. Berkeley, 1986. Публикацию текста книги по наборной рукописи см.: *Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. 8. Подстриженными глазами. Иверень. М., 2000.

⁵ Книга «Петербургский буерак. Шурум-бурум», освещающая петербургский период жизни писателя (1905—1921), создавалась из различных очерков, написанных в эмиграции и публиковавшихся в повременной печати. Архитектоническое построение книги как единого целого началось в конце 1940-х и закончилось к 1954 г. Первую публ. см.: *Ремизов А.* Встречи. Петербургский буерак. Paris, [1981]. Публикацию книги по наборной рукописи см.: *Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. 10. Петербургский буерак. М., 2003.

⁶ Книга «Учитель музыки. Каторжная идиллия» при жизни писателя появлялась в печати лишь в отрывках или отдельными главами. Первую публикацию см.: *Ремизов А.* Учитель музыки. Каторжная идиллия / Подгот. к печати, статья, примеч. А. д'Амелия. Paris: La Press Libre, [1983]. Публикацию текста по наборной рукописи см.: *Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. 9. Учитель музыки. Каторжная идиллия. М., 2002.

⁷ «Легко можно было построить на этом нечто метафизическое» (*фр.*). Высказывание принадлежит Ф. Жакоттэ. См.: Письма Н. В. Резниковой к В. Ф. Маркову, п. 3, примеч. 4.

⁸ Речь идет об издании повести Ремизова «Крестовые сестры» (1910), во французском переводе получившей название «Бурков двор». См.: *La maison Bourkov / Trad. par Robert et Zénita Viver; letter-préface de Romain Rolland.* Paris, 1946.

5. Н. В. Резникова — В. И. Малышеву

Natalie Reznikoff
11, rue Camille Desmoulins
Cachan (Seine)

<6.11.57—12. 11.57>¹

Дорогой Владимир Иванович.

Пишу Вам из «кукушкиной». Сижу возле больного А. М. Он дремлет. Все это время он плохо себя чувствовал — никакой выявленной болезни, но продолжалось все, что я Вам писала. Удушающий кашель, «задох» и все возрастающая слабость. Последние недели я уже каждый день ездила к не-

му, оставив, на сколько можно, все другие дела. Сердце его, прежде очень крепкое, начало слабеть. Активность А. М. никогда не прекращалась. С одной стороны, это его взбадривает, с другой — очень утомляет.

Последние дни, а особенно ночи — ему было плохо. Прошедшей ночью у А. М. было что-то вроде сердечного припадка. Утром пришел доктор, дал все необходимые лекарства, прописал уколы. Доктор не скрывает серьезности положения, но я по своему личному чувству надеюсь и верю, что А. М. станет лучше. Сейчас он тихонечко дремлет, и дыхание его спокойное и не тяжелое.

На днях А. М. сказал мне: «Я чувствую, что меня что-то уже схватило, а вы меня вырываете...». Дело в том, что я уже «вырвала» 2 раза — один раз в 1950, другой в 1954 году. Тогда я была одна, а сейчас нас трое. Сейчас, конечно, ему труднее бороться — сердце ослабело и годов стало больше. Я все же надеюсь, что вытащим.

На днях у А. М. была радость — посещение милого доктора — Е. М. Полуэктовой,² с дарами от Вас. Спасибо Вам за доставленную радость, за тепло, за привет с родной земли, принявший вещественную форму — любимой искры огня (спички), папирос и напитка, который, надеюсь, мы выпьем, празднуя выздоровление нашего любимого А. М.

Дорогой Владимир Иванович, я не знаю даже, сознаете ли Вы, какое великое дело, какое добро Вы сделали А. М. и как писателю, и как человеку, восстановив его живую связь с родной культурой, с родиной. Все Ваши письма, как и все письма за Вашим — от русских писателей исследователей — последовавшие, мы наклеиваем в большую (сложенную и скрепленную из синей плотной бумаги) тетрадь, которая у нас называется «Россия».

А. М. продолжает тихо дремать — под кукушкой (часами), которая время от времени кукует и отбивает свои собственные, остановившиеся во времени часы.

Стены этой комнаты оклеены удивительными цветными и серебряными конструкциями работы А. М. Знаете ли Вы, что А. М. необычайный рисовальщик, его графическое творчество очень высоко ценят знатоки — французы. Пикассо³ имеет у себя рисунок А. М.

Я должна Вам послать «Олю»⁴ (первые главы — детство — в отдельном издании) и по крайней мере написать три письма. Я все время обещаю это сделать, но все эти дни никак не могла. — Филдинга — не III тома, а II (ошибка писца). Не мог ли бы кто-нибудь добрый и усердный достать или переписать поэму Кюхельбекера «Юрий и Ксения» для А. М. Сюжет<-> отречение, монастырь.⁵

Пишите ему — письма Ваши, Ваших сотрудников — радуют А. М. очень, только вопросы адресуйте мне — я все, все сделаю, чтобы ответить на них, если А. М. станет лучше, даст Бог, я найду удобную минуту — спросить, что надо. Не забыла — на очереди Маяковский и Есенин — для Дымшица.

Дорогой Владимир Иванович, шлю Вам сердечный привет.

А. М. спит, но за него шлю Вам поклон и благодарность за все.

Уважающая Вас

Нат. Резникова.

¹ Датируется по почтовому штемпелю.

² Доктор *Елизавета Моисеевна Полуэктова* (Elisabeth Polouéktoff) осенью 1957 г. приехала в Ленинград, где посетила Пушкинский Дом и лично познакомилась с В. И. Малышевым. В своем благодарственном письме от 2 нояб. она сообщила Малышеву: «Недавно, предупредив заранее о моем визите, я была у Алекс<ея> Михайловича. Он страшно обрадовался, когда ему сообщили, что я привезла от Вас привет, и ждал меня с волнением. Я осталась у него недолго, т<ак> к<ак> был его плохой день и я не хотела его утомить. Посылкой он был очень тронут, ест он мало, поэтому икра очень пригодится, а когда запас истощится, я принесу ему еще. Я успела ему рассказать самое главное, сказала, что собираюсь снова поехать в мае, и, шутя добавила, „если хотите, захвачу Вас с собой“ — на что он ответил, что это невозможно. Он очень слаб, еле передвигается и, конечно, в таком состоянии путешествовать не может. За ним прекрасный уход, но он, бедный, очень болен, ничего не видит, все, что было в посылке, он ощупал, даже бумагу, очень Вас за все благодарит» (РО ИРЛИ, ф. 492, оп. 2, ед. хр. 1524, л. 1—2). В 1972 г. Е. М. Полуэктова способствовала передаче в Пушкинской Дом альбома с рисунками Ремизова от Л. Н. Либшютц. Письмо Полуэктовой к Малышеву от 4 окт. 1972 г. см.: РО ИРЛИ, ф. 492, оп. 2, ед. хр. 1524, л. 7—7 об.

³ *Пикассо Пабло* (1881—1973) — французский живописец испанского происхождения.

⁴ Книга Ремизова «Оля» была издана на средства молодого литератора В. В. Диксона в его издательстве «Вол» в Париже в 1927 г. Рисунок издательской марки в обрисовке Ремизова был сделан С. П. Ремизовой-Довгелло, имя которой на авантитуле книги скрыто под псевдонимом В. Н. Скоропадский (см.: *Резникова. Н. В. Огненная память*. С. 49).

⁵ Ср. письмо Ремизова к В. Ф. Маркову от 10 июля 1956 г.: «Спасибо за Кюхельбекера. Встретите его поэму „Георгий [?] и Ксения“, напишите мне, где напечатана. Хотелось бы прочесть эту загадочную повесть о судьбе княжеского отрока Георгия и Ксении дочери пономаря, потом великой княгини» (Письма А. М. Ремизова к В. Ф. Маркову. S. 436). В письме к своему парижскому корреспонденту А. Г. Савченко Малышев просил передать Н. В. Резниковой, что поэму Кюхельбекера «Юрий и Ксения» он «заказал для А. М. Ремизова в Лавке писателей, у нас в Ленинграде, на Невском, есть большая книжная лавка писателей, там хорошо знают А. М. Ремизова и очень охотно согласились выполнить мою просьбу относительно Кюхельбекера и Филдинга (т. II)» (РО ИРЛИ, ф. 494, оп. 2, ед. хр. 76, л. 1—2). Интерес писателя к литературным обработкам сюжета древнерусской повести «О зачатии во граде Тфери Отроча монастыря», в частности, к поэме Кюхельбекера, был продиктован работой над повестью «Григорий и Ксения», начатой в 1955 г. Это произведение Ремизова, в своем сюжете восходящее к тексту списка повести середины XVIII в., стало его последней работой. В. П. Никитин в своей «Remizoviane» записал 3 янв. 1957 г.: «А. М. снова встревожен — 36,7° утром (для его «лягушачьей» температуры это уже много). „Нужно подводить итоги, ставить точку“, говорит он мне, а именно закончить Григория и Ксению» (РО ИРЛИ, ф. 256, оп. 2, ед. хр. 43, л. 1). Повесть увидела свет только после смерти писателя, когда Н. В. Резникова опубликовала ее по наборной рукописи в журнале «Возрождение» (1958. Янв. № 73. С. 40—48). См. также: *Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2001. Т. 6. С. 539—556*. Подробнее об истории создания этого произведения см.: *Грачева А. М. Алексей Ремизов и древнерусская культура. СПб., 2000. С. 294—310*.

6. Н. В. Резникова — В. И. Малышеву

Natalie Reznikoff
11, rue Camille Desmoulins
Cachan Seine

Кукушкина комната
12—XI—<19>57.

Дорогой Владимир Иванович,

прошла уже целая неделя после сердечного приступа А. М. За это время ему сперва стало лучше, а затем хуже, давление настолько понизилось, что доктор уже не надеялся на спасение. Часы долгого сна — какие-то капельки крепкого кофе в нужный момент, — кто знает, что пробудило жизненные силы А. М.? Эти жизненные силы очень велики у А. М., несмотря на

его всегдашнюю слабость и хрупкость. Давление начало подниматься, голос окреп. Теперь и доктор находит некоторое улучшение, хотя А. М. далеко еще не вне опасности. Худ и слаб так, что вообразить трудно. Сейчас я сижу около него — он спит. Мы бережем его ото всякого волнения и никого извне не пускаем. За ним, кроме меня, ухаживают 3 дамы. Две живут здесь — «Утенюк» и «Солдат». Я проводила здесь все часы ночи и дня, а теперь здесь ночует медицинская сестра, а я прихожу утром, днем, вечером, иногда остаются и на ночь. Сегодня я ему читала письмо Ник. Кал. Гудзия — радость для А. М.¹ Пишите ему, как Вы ему всегда пишете, но без деловых вопросов, пока. А. Хайлову я напишу — спасибо ему за книгу Пришвина.² Единственное — светлое и неволнующее — что я ему во время болезни читаю.

Сознание А. М. все время полное —

19—XI—<19>57.

Так и пронесла начатое Вам у постели А. М. и неоконченное письмо. За эту неделю как будто бы произошло некоторое улучшение. t° нормальная, давление повысилось.

Но приглушенные после припадка страдания стали острее. Очень опасно его состояние возбуждения и не покидающая жажда деятельности — не знаю, как его успокоить. Уход за ним самый тщательный, доктор бывает каждый день. Много снов, высказываний — записываю. Умственная деятельность работает все время. К сожалению, сейчас меньше спит. Пишите ему — привет, ласку — но без литературы (его болезнь!).

Всего Вам хорошего.

Н. Резникова.

¹ *Гудзий Николай Каллиникович* (1887—1965) — литературовед, профессор Московского университета, специалист в области древнерусской литературы. Ремизов интересовался трудами Н. К. Гудзия, в частности, его работами о протопопе Аввакуме. См.: *Гудзий Н. К.* Протопоп Аввакум как писатель и как культурно-историческое явление // *Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения.* [М.,] 1934. С. 7—59. В августе 1956 г. друзья читали Ремизову «Хрестоматию по древней русской литературе», изданную Н. К. Гудзием в 1952 г. (см.: *Кодрянская Н.* Ремизов в своих письмах. С. 286). Очевидно, от Малышева Ремизов узнал о 70-летнем юбилее Гудзия, торжественно отмечавшемся Академией наук в мае 1957 г., и отправил ему свои поздравления. О письме, полученном от Ремизова, ученый сообщил Малышеву 3 нояб. 1957 г.: «Спасибо Вам большое за пересылку мне письма А. М. Ремизова. Никак не ожидал такого лестного для меня поздравления от лица его. Видимо, я Вам обязан не только тем, что Вы послали ему брошюру обо мне, но и тем, что замолвили обо мне доброе слово. В ответ на поздравление меня я послал А. М. Ремизову свое поздравление его с 80-летием, приключившимся 7 июля нынешнего года, сказал ему несколько теплых слов и сообщил, что в моей библиотеке имеется целых 25 книг его сочинений!» (РО ИРЛИ, ф. 494, оп. 2, ед. хр. 399, л. 32).

² *Хайлов Андрей Иванович* (р. 1922) — литературовед, автор защищенной в Пушкинском Доме диссертации «Творчество М. М. Пришвина» (1959), опубликованной под названием «Михаил Пришвин. Творческий путь» (М.; Л., 1960), в которой, в частности, уделялось внимание творческим взаимоотношениям Пришвина и Ремизова. В письме речь, очевидно, идет о книге Пришвина «Дорога к другу» (М., 1957). Ср.: «М. Пришвин <...> был учеником Ремизова, но в послереволюционные годы он избегал об этом говорить. В книге рассказов Пришвина последних лет я встречаю маленькую заметку: „Случилось однажды, Ремизов попросил меня

занести какие-то книги А. Н. Толстому“ — так произошло знакомство Пришвина с Толстым. В этих биографических заметках (Дорога к другу, «Молодая Гвардия», Москва, 1957 г.) Пришвин больше не упоминает о Ремизове. На полях книги Пришвина записаны продиктованные А. М. слова (он лежал в постели незадолго до своего конца): „Шишков, Пильняк, Алексей Толстой — не боялись. М. М. [Пришвин] — пугливый“» (Резникова Н. В. Огненная память. С. 84). См. также: Письма М. М. Пришвина к А. М. Ремизову / Вступ. статья, подгот. текста и примеч. Е. Р. Обатниной // Русская литература. 1995. № 3. С. 157—209.

7. Н. В. Резникова — В. И. Малышеву

Natalie Reznikoff
11, rue Camille Desmoulins
Cachan Seine

Кукушкина комната
26—XI—<19>57.

Дорогой Владимир Иванович —

через Вас сообщаю на родину горестную весть. Сегодня в 8 часов вечера скончался тихо и без страданий наш великий писатель, неутомимый работник Алексей Михайлович Ремизов.

Пишу Вам ночью из его комнаты, возле него и около его книг. Он много поминал писателей своей родины и поручил мне передать им свой прощальный привет. Дал мне поручения, которые я исполню.

Он с каждым днем слабел — но мысль его не угасала до конца — единственное, что у него оставалось.

Я к Вашим услугам — пишите — все, что бы Вам хотелось знать. На все отвечу и исполню все, что могу.

Поклон Вам и благодарность. Вы много для него сделали. Спасибо всем, кто ему писал.

Наталья Резникова.

8. В. И. Малышев — Н. В. Резниковой

Глубокоуважаемая Наталья Викторовна!

Вчера получил газету,¹ а сегодня дошло Ваше письмо с грустной вестью. Вчера я сразу же послал телеграмму на адрес Алексея Михайловича, но она почему-то вернулась из Парижа обратно с указанием, что адрес неточен. Вы не можете себе представить, как я был расстроен Вашим письмом. Вот и сегодня так и стоит передо мной образ ушедшего от нас милого старца. Большое Вам спасибо за заботу о нем. Он был действительно большой русский писатель, глубоко любящий свою родную Русь. Мир и вечный покой этому громадному и вечному труженику.

Буду Вас просить вот о чем. Пришлите для музея Пушкинского Дома фотографию (лучше не одну) Кукушкиной комнаты А. М. Ремизова и снимок его в гробу, если таковой был сделан. А мне опишите подробно, как прошли похороны А. М. Если у Вас нет времени, попросите написать П. В. Никитина или А. Г. Дедова.² Вырезки с некрологами пришлите нам в архив, мы собираем все о А. М. Ремизове.

Еще раз большое Вам спасибо за все. Если Вам что-нибудь нужно, адрес мой Вы знаете, пишите, все постараюсь, что могу, исполнить для Вас.
С сердечным приветом,

В. Малышев.

4/ XII<19>57 г.

¹ Вероятно, подразумевается письмо, в котором Резникова отправила французскую газету с сообщением о смерти Ремизова, опередившее ее личное известие о кончине писателя. Одно из первых сообщений о кончине А. М. Ремизова (заметка «Скончался А. М. Ремизов» от собственного корреспондента из Парижа, переданная 27 нояб.) было напечатано на первой странице нью-йоркской газеты «Новое русское слово» 28 нояб. 1957 г. Парижская газета «Русские новости» поместила заметку «Кончина А. М. Ремизова» 29 нояб.; газета «Русская мысль» 30 нояб. 1957 г. напечатала траурное объявление Союза русских писателей и журналистов в Париже. Советская печать объявлений о смерти Ремизова не публиковала. Н. К. Гудзий, получив от В. И. Малышева сообщение о смерти Ремизова, писал в ответном письме 14 дек. 1957 г.: «Я сам попытался позвонить Гасарьяну, ведающему в Лит<ературной> газете художественной литературой, но на мои несколько звонков никакого ответа не последовало. <...> По разным мотивам неудобно было мне прибегать и к посредничеству Чуковского и Маршака. Возможно, что „Л<итературная> г<азета>“ собирает еще какие-либо справки о Ремизове, а возможно, что не в плане ее теперь давать хотя бы информационные сообщения о смерти наших зарубежных писателей. Бог с ними!» (РО ИРЛИ, ф. 494, оп. 2, ед. хр. 399, л. 35—35 об.).

² Речь идет о журналисте, литераторе *Александре Григорьевиче Савченко* (псевд. А. Дедов; 1883 или 1885—1970). Письма Савченко к В. И. Малышеву за 1957—1968 гг. см.: РО ИРЛИ, ф. 494, оп. 2, ед. хр. 1541; копии и черновик четырех писем Малышева к Савченко за 1957 и 1962 гг. см.: РО ИРЛИ, ф. 494, оп. 2, ед. хр. 76). Савченко принадлежали две публикации («Писатель о себе», подписанная «Читатель», и «Его знали и любили на родине», подписанная псевдонимом А. Дедов), напечатанные под общим заголовком «Кончина А. М. Ремизова» в газете «Русские новости» (1957. 6 дек. № 653. С. 4—5). Статья «Его знали и любили на родине» содержала значительные выдержки из писем В. И. Малышева к Ремизову.

9. Н. В. Резникова — В. И. Малышеву

Natalie Reznikoff
11, rue Camille Desmoulins
Cachan (Seine)
Tél. ALE 50—16

6. XII—<19>57 г.

Дорогой Владимир Иванович.

Жду от Вас вести-отклика России на смерть Алексея Михайловича Ремизова (Рёмъзова — как он любил писать последнее время, в память о своем духовном предке — тобольском боярском сыне Семене Ульяновиче Ремъзове, зографе).¹

Я написала Вам о его кончине — 26-го ноября в 8 час. вечера — в первую ночь после его смерти. На второй день — я послала Вам первый отклик французской прессы — газету «Libération». Для этой заметки я давала сведения по телефону — отсюда много неточностей и ошибок. Автор статьи — Armand Gatti — талантливый молодой журналист — подчеркнул поэтическую сторону творчества Ремизова.² Вторая статья в вечерней газе-

те «Monde» — ее Вам посылаю.³ Я полагаю, что для Пушкинского Дома представляет собой интерес все, о А. М. в эти дни в прессе заграничной появившееся, и собираю все — попрошу также все собрать — в Англии, Италии, Америке. Надо ли Вам посылать целиком газеты (как учил меня всегда А. М.) или вырезки? У меня есть для Вас Figaro,⁴ Combat, France-Soir.

27-го ноября — парижское радио трижды известило о кончине А. М. — говорили о нем как об очень крупном писателе, широко известном во Франции и во всем мире.

Если кто-нибудь из Вашего института или из близких Вам читающих русских людей хочет что-нибудь иметь из книг А. М. («Оплешика») — я с радостью им пошлю. Все последние месяцы жизни — мысли А. М. — «туда» — к Вам. Скончался А. М. тихо, без страданий, без того страшного «задоха», которого так боялся. Сознание и сила мысли не ослабевали до конца — до последнего полусна, перешедшего в последний сон. (Сознание и сила мысли — все что оставалось — тела уже не было!)

А. М. отпевали в храме Трехсветительского подворья — ведения Московской Патриархии. Похоронен он на кладбище Bagneux (de la ville de Paris) в одной могиле с Серафимой Павловной — под зеленой елкой.⁵ Первые горсти земли, брошенные на его гроб — горсти русской земли (привезенные юношами, побывавшими этим летом на Фестивале молодежи).

Василий Петрович Никитин — он сейчас довольно серьезно болен — осложнение в легких — переслал мне Ваше письмо. Я все выполню (Мелюзину — Панченко; Круг Счастья — Кс<ении> Дм<итриевне> Муратовой⁶), передам Т. Осоргиной о получении Вашего письма. Д-р — Е. М. Полуэктова, успевшая передать А. М. привет с родины — передала, что книги А. М., по всей вероятности, будут напечатаны в СССР в 1958 г. Прошлым летом — я послала в СССР «Избранное» А. М. — я подбирала тексты, имея в виду не утонченных литераторов, а широкий круг читателей, русских людей (с одобрения А. М.). Этот материал на «сборник» находится у И. Эренбурга.⁷ Страницы о протопопе Аввакуме включены, конечно. Французский писатель Э. Д'Астье (Emmanuel D'Astier de la Vigerie)⁸ говорил об этом издании с Сурковым.⁹ Мне думается, что было бы очень хорошо, если бы Пушкинский Дом снесся бы с ними.

Я знала А. М. с ранней юности — в течение 30 лет была тесно с ним (сначала и с С<ерафимой> П<авловной>) связана. Последние 11—12 лет была постоянно около него, работала с ним — годы. А последнее время уже не покидала его.

Пишу Вам это для того, чтобы Вы и люди, знавшие и любившие А. М. как человека или писателя, могли бы ко мне обращаться с вопросами или за справками. Рада буду сообщить все, что их интересует.

С искренним уважением,

Наталья Резникова.

¹ Семен Ульянович Ремезов (1642—после 1720) — картограф, географ и историк Сибири; автор первого русского географического атласа «Чертежная книга Сибири» (1699—1701). Написание своей фамилии через «е» писатель возводил к названию маленькой птички ремез. Как подтверждается сохранившейся записью Н. В. Резниковой (Собр. Резниковых, Париж),

В. И. Малышев в 1957 г. прислал писателю машинописную копию «Колядки о ремезе» из работы А. А. Потební «Объяснения малорусских и сродных народных песен» (Русский филологический вестник (Варшава). 1883. № 415(15). С. 251—258). Ср.: «И как Семен Ульяныч зограф, Тобольский сын боярский, потрудившийся над своим сводом Сибирской летописи, почему и зовется она Летописью Ремезовской, так и отец его Ульян Моисеич и дед Моисей, все писали Ремезов, нося имя „первой у Бога птицы“ и оправдывая дар ее — чего стоит одна Сибирская карта Семена Ульяныча...» (Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 8. С. 199—200). В. П. Никитин в своей хронике жизни Ремизова (в записи от 17 янв. 1957 г.) указал на тот факт, что дополнительные сведения об этом «родственнике» писателя собирал профессор литургики Богословского института в Париже Ф. Г. Спасский: «Выписка из Русск<ого> биографич<еского> словаря о Семене Ульяновиче Ремезове (сделал Спасский)» (РО ИРЛИ, ф. 256, оп. 2, ед. хр. 43, л. 2).

² Речь идет о статье «Né une nuit de la Saint-Jean Alexei Remizov est mort en pleine merveille: Une chamber transformée en isba grace a des papiers de couleurs», подписанной инициалами «А. Г.» (см.: РО ИРЛИ, ф. 256, оп. 2, ед. хр. 36, л. 4).

³ Статья André Pierre «L'écrivain russe Alexis Remizov est mort a Paris» (Le Monde. 1957, 29 nov. S. 10), см. также: РО ИРЛИ, ф. 256, оп. 2, ед. хр. 336, л. 5).

⁴ Очевидно, подразумевается заметка «La mort de Remizov», помещенная в газете «Figaro Littéraire» (1957. 14 дек.).

⁵ Речь идет о муниципальном так называемом «Парижском кладбище» (Cimetiere Parisien) в Баньё (Bagneux), расположенном к юго-западу от столицы. В июле 1978 г. Н. В. Резникова осуществила перенесение могилы А. М. Ремизова и С. П. Ремизовой-Довгелло на русское кладбище Сент-Женевьев-де-Буа (сообщил А. Д. Резников).

⁶ Муратова Ксения Дмитриевна (1904—1998) — историк литературы конца XIX—начала XX в., библиограф, редактор фундаментальных трудов по библиографии и источниковедению. Подробнее о ней см.: Пушкинский Дом: Материалы к истории. С. 490.

⁷ Эренбург Илья Григорьевич (1891—1967) — поэт, писатель, переводчик, публицист, меценат; вице-президент Всемирного Совета Мира. Вероятно, переговоры Резниковой об издании «Избранного» Ремизова состоялись летом 1956 г., когда Эренбург находился в Париже по приглашению Ф. Жолио-Кюри по делам Движения сторонников мира. В фонде Эренбурга (РГАЛИ, ф. 1204, оп. 2, № 2099) хранятся 8 писем Н. В. Резниковой, относящиеся к 1961—1966 гг.

⁸ Д'Астье де ля Вижери Эммануэль (1900—1969) — французский писатель, общественный деятель, лауреат Ленинской премии мира.

⁹ Сурков Алексей Александрович (1899—1983) — поэт; в 1953—1959 гг. занимал пост первого секретаря правления Союза писателей СССР.

10. В. И. Малышев — Н. В. Резниковой

Глубокоуважаемая Наталья Викторовна!

Я отсутствовал месяц в Ленинграде, поэтому и задержался с ответом Вам. Все, что мне пока удалось сделать, это посвятить одну свою статью в XV т. «Трудов отдела древнерусской литературы» памяти А. М. Ремизова.¹ Работавший у нас в первых числах декабря краковский профессор В. В. Якубовский (он работал над переводом «Жития» Аввакума на польский язык)² обещал напечатать некролог о А. М. в краковской городской газете.³

Конечно, нас интересует все о Ремизове. Пришлите вырезки из газет с некрологами, пришлите переводы его сочинений на иностранные языки. За все это библиотека и архив института будут Вам очень благодарны.

Фонд А. М. Ремизова у нас большой и разнообразный. Для архива было бы важно иметь подробное описание похорон А. М. Ремизова (кто был, сколько народа, кто выступал с речью и т. п.), фотографию Ремизова в гро-

бу и виды его могилы. Ведь он был очень русский человек, хотя и умер на чужбине, далеко от своей милой Москвы, которую он так нежно любил во все периоды своей сознательной жизни. Обо всем, что появится у нас о А. М. Ремизове, я обязательно Вас извещу.

Всего Вам хорошего. Кланяйтесь от меня А. Г. Дедову и В. П. Никитину (поправился ли он?)

С Новым годом.

В. Малышев.

4/Л<19>58 г.

¹ В «Трудах Отдела древнерусской литературы» (Т. 15. М.; Л., 1958) имеются две публикации В. И. Малышева: «Стих „покаянна“ о „лютее“ времени и „поганных“ нашествию» (С. 371—374) и «Отчет о командировке на Печору в 1956 г.» (С. 400—408), однако ни одна из них не содержит посещения Ремизову. О своем желании почтить память Ремизова Малышев также писал 2 февр. 1958 г. А. Г. Савченко в связи с уже вышедшим томом «Трудов Отдела древнерусской литературы»: «XVI т. „Трудов“ обязательно пришло, я его редактор, я его собирал и если бы он был не юбилейный, то публикацию двух прекрасных (неизвестных совсем) писем Аввакума протопопа я посвятил бы памяти А. М. Ремизова, а тут нельзя. В томе восемь статей посвящено протопопу Аввакуму» (РО ИРЛИ, ф. 494, оп. 2, ед. хр. 76, л. 2).

² *Якубовский Виктор Владиславович* (1896—1973) — польский филолог-славист, с 1954 г. профессор Ягеллонского университета в Кракове. Сообщая о планах посетить Ленинград осенью следующего года, В. Якубовский писал Малышеву 25 дек. 1960 г.: «Надеюсь также, что к тому времени привезу Вам житие нашего общего друга, переведенное целиком на польский язык...» (РО ИРЛИ, ф. 494, оп. 2, ед. хр. 1578, л. 17 об.), однако работа значительно затянулась. Издание книги состоялось только весной 1972 г. См.: *Żywot protopopa Awwakuma przez niego samego nakreślony I wybór innych pism / Przeł. oraz wstępem i komentarzem opatrzył pism W. Jakubowski. Wrocław, 1972.* В письме, отправленном 12 апр., Якубовский сообщал Малышеву: «Дорогой Владимир Иванович. Ныне отпускаеши раба твоего по глаголу твоему с миром... Сегодня для меня радостный день: отправляю Вам польское Житие протопопа Аввакума, которым обязан прежде всего Вам» (РО ИРЛИ, ф. 494, оп. 2, ед. хр. 1578, л. 68).

³ В письме к Малышеву от 29 мая 1958 г. В. Якубовский подтверждал: «Небольшую статью-заметку о Ремизове я написал. Надеюсь, что она будет вскоре напечатана» (РО ИРЛИ, ф. 494, оп. 2, ед. хр. 1578, л. 6).

11. Н. В. Резникова — В. И. Малышеву

12. П.<19>58.

Глубокоуважаемый Владимир Иванович,

пишу Вам сегодня несколько слов, чтобы возобновить наконец прерванную переписку с Вами и Пушк<инским> Домом — обо всем, что хотелось Вам сообщить после кончины А. М. Ремизова. Через несколько дней после похорон я написала Вам длинное письмо — второе — после кончины А. М. Оно как-то не было сразу отослано мною, а потом уже я ждала ответа на свое, первое. Вы отсутствовали из Ленинграда и не сразу ответили мне, а тут у меня была снова беда. Заболел тяжело и был отправлен в госпиталь мой дальний родственник-бедняк, чудаку-художник, в прошлом шофер такси, человек немолодой, одинокий. А. М. хорошо знал «дядю Комарова».¹

Хотя медицинская часть и хорошо поставлена в парижских госпиталях, во всем остальном — лежать в госпитале тяжело. Это случилось очень скоро после кончины Ал. Мих. И вышло так, что в самый момент, когда мне надо было заняться связанными с А. М. или порученными им делами, мне пришлось от этого оторваться — ходить в госпиталь, стараться хоть чем-нибудь скрасить пребывание в больнице и печальный конец..., а потом, хлопоты, похороны. Это все на протяжении двух месяцев.

Дедов сказал мне, что получил от Вас весть. Я стараюсь сейчас выпутаться из дебрей самых спешных дел — их много накопилось и, как всегда, все приходит вместе. Сейчас прислали от Галлимара (издательство) увесистый пакет — корректура французских (моих) «Подстриженных глаз». (Если бы на несколько месяцев раньше, когда был жив А. М.!)

У меня есть еще книги для посылки в Пушкинский Дом. И очень много разных вырезок — иностранных и русских зарубежных газет. Недавно была радиопередача, посвященная Ремизову: была прочитана «Огненная смерть Аввакума»² и сказано несколько слов о протопопе. Интересно ли Вам — я могу его достать — текст этой передачи?

Затем, и это очень важно.

У меня неоценимое богатство архива Ремизова: рукописи, рисунки, альбомы и т. д. Ко мне вскоре (по завещанию) перейдет вся библиотека А. М. Пока (для меня это дорого и живо) я все это буду хранить, с мыслью когда-нибудь, может быть частями — передать в Россию. Я думаю — в будущем — это будет представлять собою огромный интерес для исследователей и писателей. Кроме того, это большая художественная ценность. Я отдаю себе отчет о том, что в настоящий момент А. М. на родине еще не совсем известен, еще не раскрылся во весь свой рост как писатель. Его настоящее признание придет, через несколько лет — я думаю.³ Вот тогда я займусь тем, чтобы все это богатство «вернулось» на родину — где ему место. Это — в будущем, а пока я хотела бы знать, что думает об этом Пушкинский Дом.

Василию Петровичу Никитину несколько лучше — я навещала его в начале января, но он все еще не на положении здорового. В письме к нему, кажется, Вы просили послать «Мелюзину» и «Круг Счастья» в Прагу (Панченко⁴) и в Ленинград (Даме⁵). Я очень виновата — этого еще не исполнила — и прошу Вас, будьте добры: повторите мне адреса и что кому. Кроме того — имейте в виду — у меня есть еще кое-что из книг Оплешика — я с радостью пошлю все, что смогу — исследователям-любителям в СССР.

С другой стороны — если это возможно — пошлите мне (для пополнения библиотеки А. М.) — то, что доступно и не трудно: дальнейшие выпуски «Труды отдела древнерусской литературы» — «На Горах» Мельникова-Печерского и немецкое (вдруг имя выскочило из головы), что А. М. просил. Как могла бы я возместить расходы? Выслать Вам какие-нибудь французские издания по литературе, истории, искусству? Все, что Вам будет приятно или полезно, я с радостью исполню. (Английскую книгу о Аввакуме мы еще не смогли достать — не нашли.) Буду ждать Вашего ответа, но еще раньше постараюсь ответить на Ваши вопросы о похоронах, могиле А. М. и т. д. Интересно ли Вам описание его последних дней —

записи последн<их> слов? Я хочу все это написать и — м<ожет> б<ыть> даже в какой-нибудь журнал. Здесь в Париже и в Америке устно и в печати уже появляются анекдоты — неверные рассказы о конце А. М., с чьих-то слов написанные. Почему-то я и думаю, что надо не только записать, но и опубликовать все как было (иначе я бы с этим не торопилась).

Искренний привет.

Н. Резникова.

¹ Речь идет о *Сосинском Евгении Брониславовиче* (1895—1958), который получил от Ремизова прозвище «дядя Комаров». См. о нем в дневниках его младшего брата В. Б. Сосинского: «Евгений появился в Париже позже меня, он на несколько лет задержался в Варне. Одна болгарская семья — все четыре поколения — влюбилась в него и долго не отпускали его в Париж, куда я звал его в каждом письме, и Черновы добились въездную визу. Но он очень быстро включился в парижскую жизнь как будто всегда был парижанином. Французскому языку его обучил наш дядя в Вене — Арнольд Шёнберг. Шел он самостоятельным путем, за хвостик своего прославленного младшего брата не держался, ни в чем ему не подражал и не использовал ни одно из его знакомств. Было у нас лишь одно полное совпадение: дружба с Алексеем Михайловичем Ремизовым и Серафимой Павловной Ремизовой-Довгелло. В остальном он больше вращался во французских, кубинских, никарагуанских кругах, и не в писательских — а у художников, музыкантов, актеров и в кругах профсоюзных. А для заработка он выдержал экзамен на водителя такси. <...> Для того, чтоб нас, братьев не путали, Алексей Ремизов перекрестил моего Евгения на Комарова. Комаров не только зажил своею особенной жизнью — но стал при этом одним из постоянных героев книг Ремизова: „Мышкина дудочка“, „Пляшущий демон“ и особенно в книге о смерти Серафимы Павловны — одна из самых горестных книг великого писателя. Часто мелькает Комаров не только в последних книгах Ремизова, но и в его письмах. Тем более, что у Евгения была постоянная обязанность — несколько раз в году возить на своем такси G-7 на кладбище к могиле Серафимы Павловны Алексея Михайловича» (РО ИРЛИ, Р. I, оп. 25, ед. хр. 591, л. 365—368).

² Подразумевается фрагмент из ремизовского «свода» *Жития Аввакума*, подготовленного писателем по изданию Я. Л. Барскова (Памятники истории старообрядчества XVII в. Пг., 1916. Кн. 1, вып. 1), который был опубл. в журнале «Версть» (1926. № 1. Разд. II. С. 1—73).

³ Ср. запись в дневнике К. И. Чуковского от 14 янв. 1958 г., которая отражает одну из попыток Н. В. Резниковой привлечь внимание официально признанных советских писателей к ремизовскому литературному наследию: «Гулял очень много с Федным. <...> На столе у него груды писем — он показал мне письмо о смерти Ремизова, написанное его (Ремизова) ярой поклонницей, которая уверена, что Алексей Мих. был величайшим русским писателем...» (*Чуковский К.* Собр. соч.: В 15 т. Т. 13. Дневник. 1936—1969. М., 2007. С. 249—250).

⁴ А. М. Панченко в 1957—1958 гг. обучался на филологическом факультете Карлова университета в Праге.

⁵ К. Д. Муратова.

12. Н. В. Резникова — В. И. Малышеву

N. Reznikoff
11, rue Camille Desmoulins
Cachan (Seine)

5—VI—<19>58

Дорогой Владимир Иванович,

я послала в Пушкинский Дом вышедшую у Gallimard'a книгу — мой перевод «Подстриженных глаз» на французский язык, а также газету «Le

Монде» со статьей Марселя Бриона, первый критический отклик в печати на эту книгу.¹

Выход книги совпал с процедурой снятия печатей с квартиры А. М. Мне нужно было ликвидировать квартиру, перевозить к себе рукописи и книги — оставленные мне по завещанию. Мебель А. М. (она такая бедная, что А. М. не помянул ее в завещании, не понимая, что она нам дорога) по закону была продана на аукционе. Я ездила туда, чтобы выкупить хотя бы столы, за которыми работал А. М.² Все это было хлопотно и очень грустно... Сейчас я занята рассылкой французских «Подстр<иженных> глаз» — Yeux Tondus — разным критикам, писателям и т. д. (и друзьям А. М.) — и одновременно постепенно занимаюсь приведением в порядок и размещением библиотеки и рукописей А. М. Не знаю, как что и когда будет, — но все «книжное добро» А. М. перейдет когда-нибудь к вам, в Пушкинский Дом. Поэтому я бы хотела получить от сотрудников, которые ведают архивом Ремизова, практический совет — как и в каком порядке приступать к классификации архива и книг [по ним работал А. М. — Когда он писал то или другое произведение, то всегда пользовался книжными источниками. В книгах всегда подчеркивал то, что в тот момент было для него интересно и важно. Так мы прочли всего Чехова, работали над Достоевским (неоконченный «Достоевский до каторги»³), рукописей, переписки (все письма А. М. последовательно наклеивал в специальные, самодельные «альбомы» — письма из СССР — отдельно, в синюю тетрадь, на которой написано «Россия». Я полагаю, что надо к каждому письму надписать — кто, что и как — поскольку я помню и знаю). Еще я хочу спросить: все ли надо хранить или «отбирая»? Напр<имер,> в библиотеке А. М. довольно много журналов — французских или зарубежных (где нет произведений А. М.) — надо ли их хранить? М<ожет> б<ыть>, они все-таки представляют собой некот<орый> интерес в смысле «эпохи»? Я хорошо даю себе отчет в том, что на родине, пока, А. М. почти неизвестен и что признание его, может быть, придет еще не так скоро. Все же я думаю, что когда-нибудь Алексей Михайлович Ремизов «откроется» русскому читателю. Мне думается, что мы можем оказать некоторый кредит французам, всегда очень тонко воспринимающим свое и чужое искусство. Ведь они (и по переводам только!) считают А. М. очень крупным писателем, тончайшим художником, оригинальным не только по форме, но и по мысли. Есть ли среди вас кто-нибудь, знающий французский язык, чтобы перевести Вам статью М. Бриона?

Я давно уже начала Вам очень длинное письмо — возвращаясь к последним дням жизни А. М., похоронам и т. д., но это письмо еще не закончено. В нем я благодарила Вас за полученные книги Мельникова-Печерского и писала Вам, какое значение имел Мельн<иков>-Печерский для А. М. — в молодости... Я все жду, когда буду немного свободнее, чтобы послать Вам все газетные вырезки, относящиеся к смерти А. М. Когда я ликвидировала квартиру — еще сильнее почувствовала и осознала утрату. Пока жил Алексей Михайлович, и он сам, и его жилище были живым куском России (все равно каких веков или какой эпохи), и я не чувствовала себя оторванной от родины, родного языка. На днях я показывала красоты Парижа советским туристам. Может быть, и Вас когда-нибудь мы увидим в

Париже? Некоторое время тому назад я послала Вам (для П<ушкинского> Д<ома>) два фр<анцузских> журнала. В Cahiers des Saisons — последняя вышедшая при жизни А. М. его вещь во фр<анцузской> печати.⁴ В N. R. F. — одна из глав книги — до ее появления.⁵ Обратите вниманье.

Кланяюсь Вам сердечно.

Нат. Резникова.

¹ *Брион Марсель* (1895—1984) — французский писатель, романист, искусствовед, специализировавшийся на французском, итальянском и немецком искусстве, критик, с 1964 г. член Французской Академии; сотрудник газеты «Le Monde». Возможно, подразумевается его статья «Alexei Remizov», напечатанная в «Le Monde» 25—26 марта 1958 г.

² В настоящее время рабочий стол А. М. Ремизова находится в собрании Резниковых (Париж).

³ Ср. письмо Ремизова к Н. В. Кодрянской от 20 марта 1956 г.: «Я затеял: „Достоевский до каторги“ — 1845—1849 г. от „Бедных людей“ до кануна ареста Неточки Незвановой. Четыре года раскаленных чувств должны были для „жизни“ оборваться катастрофой. Обличение человека — что есть человек? Строй жизни, но кого? Человек — посмотрите вот, как я чувствую человека» (*Кодрянская Н.* Ремизов в своих письмах. С. 399).

⁴ Имеется в виду публикация текста «Исповедь Саввы Грудцына» («La confession de Savva Groudzin») в переводе Н. В. Резниковой (Cahiers des Saisons. 1956. N 2. P. 305—307; см. также: РО ИРЛИ, ф. 256, оп. 1, ед. хр. 198), который является фрагментом из четвертой части повести «Савва Грудцын» (см.: *Ремизов А. М.* Собр. соч. М., 2001. Т. 6. С. 331—333).

⁵ В журнале «La Nouvelle Revue Française» с 1953 по 1957 г. печатались отдельные главы книги «Подстриженными глазами» в переводе Резниковой: «Узлы и закруты» (1953, окт.), «На счастье» (1955, янв.), «Краски» (1955, март), «Лягушник» (1955, июнь), «Голодная пучина» (1956, янв.), «Злые слезы» (1956, июль), «Белый огонь» (1957, март), «Натура» (1957, июль). Вырезки этих публикаций, переданные Резниковой, находятся в составе архива писателя в РО ИРЛИ (ф. 256).

13. Н. В. Резникова — В. И. Малышеву

N. Reznikoff
II, rue Camille Desmoulins
Cachani Seine

30 сентября 1960 г.

Глубокоуважаемый Владимир Иванович,

наша переписка как-то совсем заглохла, несмотря на то что постоянно думаю о Пушкинском Доме и о Вас в связи с памятью и делами Алексея Михайловича Ремизова.

Как я уже писала Вам прежде, у меня находится архив А. М., состоящий из двух частей:

— После смерти С. П. Ремизовой А. М. передал мне много документов, записей материалов и т. д. Во все последующие годы он продолжал «пополнять» этот первоначальный архив бумагами, письмами, оригинальными рукописями, альбомами своих рисунков и т. д. и т. д. Этот архив принадлежит мне лично.

— После смерти А. М. по духовному завещанию ко мне перешла его библиотека (оставленная мне лично) и другая часть его архива, состоящая из переписки (т. е. писем, которые получал А. М., которые сразу наклеивались в соответствующие самодельные «альбомы») и «рукописей», т. е.

«подготовленных к печати книг» («Иверень», «Учитель Музыки», 2^й том «России в письменах», «Полевые Цветы», «Вереница», «Павьим пером»).¹ Эти «рукописи» представляют собой книги, составленные из переписанных на машинке страниц и вырезок из газет и журналов, где произведения были напечатаны. [Оригинальные (рукописные) рукописи этих вещей были когда-то переданы А. М. на хранение одному знакомому (чтобы разгрузить квартиру) — некоторому Солнцеву, жившему недалеко от г. Шартра. В один прекрасный день этот Солнцев, не известив А. М., уехал в Америку, захватив с собой рукописи и, по всей вероятности, продал их в какой-то университет США. Во всяком случае он исчез и в течение 5 лет (или 7^{ми}) до конца жизни А. М. не давал о себе знать А. М.-чу. Мне сказали, что в Колумбийском университете будто бы теперь имеются рукописи А. М., и я навожу об этом справки. Рукописи, переданные Солнцеву на хранение, относились прибол<изительно> к годам довоенным и послевоенным до 1949 г.].

Этим «книжным добром» А. М. в своем завещании поручил «распорядиться» своим «опекунам»: Н. В. и Д. Г. Резниковым, Н. В. и И. В. Кодрянским² и Т. и А. С. Лурье. Все мы сходимся на том, что рано или поздно все наследие А. М. должно быть сосредоточено в Пушкинском Доме, где уже в этом смысле положено такое достойное начало. Весь вопрос, как и когда это выполнить.

Я знаю, что в настоящее время Ремизов как писатель не вызывает большого интереса на родине. Интерес скорее «архивный» или «исторический». Сам А. М., конечно, сознавал это и вовсе не торопил меня с посылкой архивов на родину. Он знал, что я это исполню, но считал, что прежде я сама должна поработать над этими бумагами. Я знала А. М. близко (сначала его и С. П.) непрерывно в течение около 35 лет. Очень много знаю о нем и С. П. из их рассказов, помню и случаи из жизни, и биографии, и слова, и суждения, отношение к тем или иным вещам или явлениям — все это очень часто находило отклик и отзывалось в произведениях писателя. Я знаю или знала людей, о которых он говорит или упоминает в своих книгах. Работая постоянно с Алексеем Михайловичем в последние годы его жизни, я лучше других знаю его методы работы — документирования, я знаю, для каких вещей, какими материалами он пользовался. Читая вслух нужные ему книги, я делала на них отметки, подчеркивала и т. д. Вот почему на мне и лежит ответственная задача — сделать комментарии, записать все, что я знаю — войти в контакт с корреспондентами, постараться получить от них оригиналы или копии писем А. М. Есть вещи, которые никто, кроме меня, и без моего участия сделать не сможет.

И я, и А. М. были уверены, что после его смерти я всецело займусь его наследием и, поработав в течение 1—2—3 лет, смогу послать в Россию архив в приблизительно готовом виде. Но вскоре после смерти А. М., вследствие некоторых семейных обстоятельств, мне пришлось взять работу по техническим переводам. Сначала я думала, что это будет временно, к сожалению, это положение затягивается и скоро уже будет 3 года, как умер А. М., а я могу только понемногу заниматься делами архива.

Несколько дней тому назад у нас было небольшое собрание с Н. В. и И. В. Кодрянскими, Т. и А. С. Лурье, посвященное вопросам архива.

Мы вместе решили, что самое лучшее, чтобы подвинуть дело архива, было бы войти мне в личный контакт с Пушк<инским> Домом и Вами.

Возможно ли устроить мне, пригласив меня, — приезд в Ленинград для занятий с Вашими сотрудниками и совместной работы в течение 1—1½ месяцев? Самое лучшее было бы в мае месяце или сентябре—октябре. Для этого нужны: виза, средства на путешествие (или билет) и возможность прожить в Ленинграде иначе, чем по тарифу «Интуриста», — очень высокому на наши деньги. Возможно ли это?

В ожидании моей поездки мы сделали бы копии всех «книг» (ненапечатанных) Ремизова и переслали бы их Вам отдельными заказными пакетами по почте.

В Сов<етском> Союзе (в Москве) уже имеются копии 2 из этих книг — я прошу свою сестру Ольгу Андрееву, находящуюся сейчас в Москве, съездить в Ленинград и поговорить с Вами об этом и обо всех вопросах, затронутых в этом письме. Эта моя сестра, так же, как и вся семья, близко знала А. М., который ее нежно любил. Но последние годы она видела его только наездами, т<ак> к<ак> жила в Америке.

Наталья Владимировна Кодрянская сейчас в клинике, где ее подвергают разным исследованиям, последнее время она неважно себя чувствует. Она напишет Вам по выходе.³

Сердечно кланяюсь Вам,

Наталья Резникова.

P. S. У одной старой и бедной эмигрантки имеется альбом оригинальных рисунков Воронихина.⁴ Рисунки карандашом: портреты. Она хотела бы их продать. Интересует ли это каких-либо искусствоведов в СССР.

¹ См.: Письма Резниковой к Маркову (п. 3, примеч. 22).

² *Кодрянская Наталья Владимировна и ее муж Кодрянский Исаак Вениаминович.*

³ В архиве Малышева хранятся письма Н. В. Кодрянской с 1957 по 1970 г. В письме от 7 окт. 1960 г. Кодрянская сообщала Малышеву: «Я только что вышла из больницы. Недели 2 тому назад мы, наследники Ремизова, собрались у А. С. Лурье, чтобы поговорить об отправке литературного наследства А. М. в Пушкинский Дом: такова была воля Ремизова. К сожалению, из-за перегруженности работой Н. В. Резникова не может интенсивно заняться разбором материала, оставленного Ремизовым. До моего отъезда решили еще раз собраться и обо всем более подробно поговорить. Я лично считаю страшно важным, чтобы Наталья Викторовне как можно скорее (она говорит, что могла бы поехать или весной, в мае, или в сентябре) была бы предоставлена возможность провести хотя бы месяц или полтора в Ленинграде» (РО ИРЛИ, ф. 494, оп. 2, ед. хр. 1474, л. 13—13 об.).

⁴ Очевидно, речь идет о графических работах архитектора *Андрея Никифоровича Воронихина* (1760—1814), автора проекта Казанского собора в Санкт-Петербурге.

14. Н. В. Резникова — В. И. Малышеву

N. Reznikoff
11, rue Camille Desmoulins
Cachan (Seine) France

24 апреля 1961 г.

Глубокоуважаемый Владимир Иванович,

уже очень давно не имею от Вас никаких вестей: как будто бы наше общее дело — архива Алексея Михайловича Ремизова — стоит на точке замерзания.

Я надеялась приехать в Москву этим летом, взяв работу на Французск<ой> выставке — 15 авг<уста>—15 сент<ября>. ¹ При этом я устроилась так, чтобы иметь еще 15 свободных дней, которые я думала использовать для поездки в Ленинград, чтобы войти в личный контакт с Пушкинским Домом и Вами.

К моему большому сожалению, моя поездка в СССР в связи с Фр<анцузской> выставкой (по-видимому) не состоится. Вместе с тем мне бы очень хотелось в этом году использовать мой годичный отпуск (1½ мес<яца>) для поездки в СССР, — познакомиться с Вами, выработать план работы и посылки Вам архива, решить некоторые вопросы.

[Например: некоторые документы, записи, письма и т. д. мне будут нужны для моей работы — мне было бы достаточно для этого иметь копии. Но как это сделать? Здесь это дорого и для меня недоступно. Может быть, Вы могли бы это сделать?.. Таких вопросов у меня много.]

Может быть, даже поработать совместно с Вашими сотрудниками. Одним словом: принципиально решить и приступить к делу передачи архива в Пушк<инский> Дом.

Поехать в СССР — по туристическому тарифу — я не в состоянии. Вопрос главным образом в визе и проезде (я могла бы пожить у родственников). Может ли Пушкинский Дом помочь мне в этом?

Период моего отпуска (в этом году, в виде исключения, он продлен на 2 недели) — от 8 августа до 25 сент<ября> (приблизительно). Но если бы для Вас это оказалось бы более удобным — его можно было бы передвинуть на осень.

В случае, если Вы считаете мой приезд целесообразным, — я очень прошу Вас и Пушкинский Дом изучить этот вопрос и ответить мне: осуществима ли моя поездка?

Мне, между прочим, известно, что в настоящий момент в литератур<урных> кругах Сов<етского> Союза как будто пробуждается некоторый интерес к творчеству Ремизова...

Несколько лет тому назад — еще при жизни А. М. — я подготовила одно- или двухтомник «Избранного» Ремизова, который находится в Сов<етском> Союзе.

Известно ли Вам, что около года тому назад скончался Василий Петрович Никитин? ²

Евгения Юдифовна Рапп, ³ передавшая в Сов<етское> посольство в Париже архив Н. А. Бердяева — для Пушкинского Дома — скончалась в ноябре 1960 г. До своей смерти она так и не получила известия о том — дошел ли архив и какова его судьба. ⁴

Совсем недавно русский Париж прощался с Верой Николаевной Буниной. ⁵

В Сов<етском> Союзе (у моего beau-frère'a* В. Сосинского⁶) находится экземпляр неизданной книги Ремизова «Иверень» — в этом экземпляре не хватает главы «В Сырых Туманах». В. Б. Сосинский по моей просьбе собирался сделать и передать в Пушк<инский> Дом копию этой подготовленной книги. ⁷ Нехватающую главу этой книги (эта глава, так же, как и часть

* муж сестры (фр.).

книги, переписана на машинке, с собственноручными поправками А. М.) я хочу послать Вам с просьбой или передать ее В. Сосинскому, или сделать копию и передать ее Сосинскому, сохранив у себя оригинал.

В ожидании Вашего ответа, с искренним приветом,

Н. Резникова.

¹ Речь идет о Французской национальной выставке; ответная Советская выставка проходила в Париже с 3 сентября по 3 октября.

² В. П. Никитин скончался 8 июня 1960 г.

³ *Рапп Евгения Юдифовна* (1875—1960) — сестра Л. Ю. Бердяевой, жены философа Н. А. Бердяева.

⁴ Архив Н. А. Бердяева (1007 ед. хр.), охватывающий период с 1874 по 1954 г., включающий также и материалы Е. Ю. Рапп, был передан в РГАЛИ (ф. 1496), где до 1987 г. находился на так называемом «специальном хранении».

⁵ *Булнина Вера Николаевна* (урожд. Муромцева; 1881—3 апр. 1961) — переводчица, меуаристка, общественная деятельница; жена прозаика и поэта И. А. Бунина.

⁶ *Сосинский Владимир Брониславович* (1900—1987) — писатель, критик, эмигрировал в 1920 г., с 1923 г. в Германии, с 1924 г. в Париже, член Союза русских писателей и журналистов, сотрудник журналов «Воля России», «Своими путями», «Благонамеренный», «Числа»; участник французского Сопротивления. В конце 1960 г. вернулся в Москву.

⁷ Текст книги «Иверень», составленный из машинописи и публикаций в периодической печати, был передан В. Б. Сосинским в РО ИРЛИ в декабре 1960 г.

15. В. И. Малышев — Н. В. Резниковой

Глубокоуважаемая Наталья Викторовна!

С месяц назад у нас в Институте были Кодрянские. Н. В. Кодрянская очень хотела бы издать библиографию А. М. Ремизова.¹ Но ее план профессор К. Д. Муратова (зав. отделом библиографии) и я решительно забраковали. Это какое-то любительство и дилетантство. Если делать, так уж делать серьезную научную библиографию Ремизова, такую, чтобы она надолго осталась помощником литературоведов.² Мы составили ей план библиографии еще год тому назад. Но в этот приезд Н. В. Кодрянской выяснилось, что она не в силах сделать серьезную библиографию одна, без нашей помощи. Выяснилось также, что деньги, необходимые на издание, у Кодрянских имеются. А если нужна какая-нибудь методическая помощь, то профессор К. Д. Муратова, крупнейший наш специалист по писательским и вообще литературоведческим библиографиям, готова такую помощь оказать, лишь бы библиография делалась в строго научном плане. Я со своей стороны готов оказать помощь в этом деле, в чем, конечно, буду полезным (наведение справок и т. д.), но только повторяю, чтоб библиография была сделана по-настоящему, как это требуется на современном уровне филологической науки. Мы считаем, что научная библиография А. М. Ремизова не только заложит основы для всестороннего и глубокого исследования его творчества, но и будет хорошим венком на его могилу от людей, которые искренне почитали этого большого (вспомните оценку его А. М. Горьким³) и своеобразного художника слова, до конца жизни русско-

го человека, хотя и вынужденного почти полжизни прожить вдали от «милрой родины» (слова из его письма ко мне от 14 апреля 1957 г.⁴).

Простите меня за длинное письмо, а самое главное за молчание. Последние три-четыре года у меня было много забот и волнений, так что в таком положении оказались не Вы одни.

Желаю Вас всего хорошего. С самым дружеским приветствием,

В. Малышев.

26/VII<19>63 г.

¹ Н. В. Кодрянская передала в Рукописный отдел Пушкинского Дома собранные ею материалы к библиографии Ремизова: «Рассказы Ремизова на французском языке» (см.: РО ИРЛИ, ф. 256, оп. 2, ед. хр. 32), а также списки изданных и неизданных книг и его публикаций во французской периодике (РО ИРЛИ, ф. 256, оп. 2, ед. хр. 33).

² К настоящему времени существует целый ряд библиографических работ, посвященных творчеству А. М. Ремизова. См.: *Bibliographie des oeuvres de Alexis Remizov / Établie par Hélène Sinany*. Paris, 1978 (Bibliothèque Russe De L'Institut D'Études Slaves. T. 141. Série: Écrivains russes en France); *Lampl H. Bemerkungen und Ergänzungen zur Bibliographie A. M. Remisovs (Bibliographie des oeuvres de Alexis Remizov / Établie par Hélène Sinany. Paris, 1978) // Wiener Slawistischer Almanach*. 1978. Bd 2. S. 301—326; а также библиографию S. Aronian «Critical and bibliographical literature on A. M. Remizov» (Russian Literature Triquarterly. N 18. P. 209—218).

³ См. письмо М. Горького к Л. Андрееву, относящееся к первым числам авг. 1902 г., о первом произведении Ремизова «Плач девушки перед замужеством», напечатанном 8 сент. 1902 г. в московской газете «Курьер» под псевдонимом «Н. Молдаванов»: «Посылаю тебе две рукописи <...> „Плач девушки“ — ей-Богу — хорош!» (*Горький М. Полн. собр. соч. Письма: В 24 т. М., 1997. Т. 3. С. 92*). Об истории отношений Ремизова и Горького см. очерки Ремизова, вошедшие в книгу «Петербургский буерак», а также примечания к ним: *Ремизов А. Собр. соч. М., 2003. Т. 10. С. 276—291, 498*.

⁴ Вероятно, ошибка памяти. Первое ответное письмо от Ремизова Малышев получил 2 мая 1957 г., однако ни в нем, ни в последующих сообщениях указанных слов не имеется. См.: *Ремизов А. М. Письма к В. И. Малышеву. С. 203—215*.

16. Н. В. Резникова — В. И. Малышеву

N. Reznikoff
11, rue Camille Desmoulins
Cachan (Seine)
Телефон ALE-50—16

4 сентября 1963 г.

Глубокоуважаемый Владимир Иванович,

я получила Ваше письмо от 26.VII.63. Я охотно приму участие в составлении библиографии А. М. Ремизова.

Я думаю, что для этого мне следует войти в письменный контакт с профессором К. Д. Муратовой. Для ориентации и начала моей работы я хотела бы иметь образец подобной научной библиографии, а в дальнейшем — инструкции К. Д. Муратовой.

Вы упоминаете о высокой оценке А. М. Горького творчества А. М. Ремизова.

В ранней юности я довольно часто видела Горького в Москве на квартире Е. П. Пешковой,¹ где он останавливался. Я помню, как однажды, про-

бежав глазами данную ему на просмотр рукопись, Алексей Максимович сказал: «Я передам рукопись А. М. Ремизову, интересно его мнение, он ведь знаток сказок и народного творчества...».

В ожидании Ваших инструкций, шлю Вам самый дружеский привет.

Наталья Резникова.

P. S. Как имя-отчество профессора Муратовой?

¹ *Пешкова Екатерина Павловна* (урожд. Волжина; 1876—1965) — общественная деятельница, после революции — председатель комитета помощи политзаключенным, член правления Лиги защиты детей; первая жена А. М. Горького. Об участии Пешковой в судьбе семьи Н. В. Резниковой и о встречах с Горьким в московской квартире Пешковой в Машковом пер. (ныне ул. Чкалова, д. 1) см. в воспоминаниях О. В. Черновой-Андреевой «Холодная весна», главы из которых напечатаны в журнале «Звезда» (2001. № 8. С. 150—155).

17. Н. В. Резникова — В. И. Малышеву

N. Reznikoff
11, rue Camille Desmoulins
Cachan Seine

Cachan — 15—VI—64

Глубокоуважаемый Владимир Иванович,

21го июня я выезжаю в Москву. Я еду туристической поездкой на самолете (9 дней: 6 дней в Москве, 3 дня в Ленинграде).

В Ленинграде я буду 26—27—28 июня. Я предполагаю посетить Пушкинский Дом и надеюсь увидеться с Вами.

Я еще не знаю, в какой день смогу быть в П<ушкинском> Д<оме>. Я Вам дам знать из Москвы. Со своей стороны Вы могли бы дать знать моей сестре Ариадне Викторовне Сосинской (Москва, Е-215, 13^а Парковая, д. 27, корп. 4, кв. 49), в какие дни и часы всего удобнее Вас застать.

С уважением,

Нат. Резникова.